

Магнитогорский государственный технический
университет им. Г.И. Носова

Гуманитарно-педагогические исследования

*Научный журнал
(издается с 2017 г. четыре раза в год)*

2019 Т. 3 № 4

© Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова», 2019

Учредитель - Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова
(д. 38, пр. Ленина, г. Магнитогорск, Челябинская обл., Россия, 455000)
16+ в соответствии с Федеральным законом № 436-ФЗ от 29.12.2010

Адрес редакции: д. 26, пр. Ленина, г. Магнитогорск, Челябинская область, 455000.
Тел. 8(3519) 229961. E-mail: igo@magtu.ru

В оформлении обложки номера использовались фотографии, сделанные в разные годы студентами и преподавателями университета.

Научная подготовка выпусков журнала осуществляется преподавателями Института гуманитарного образования ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова»

Адрес издателя:

455000, Челябинская обл., г. Магнитогорск, пр. К. Маркса, 45/2,
ФГБОУ ВО «МГТУ им. Г.И. Носова», издательский центр

Адрес типографии:

455000, Челябинская обл., г. Магнитогорск, пр. Ленина, 38,
ФГБОУ ВО «МГТУ им. Г.И. Носова», участок оперативной полиграфии
Выход в свет 23.12.2019. Заказ 397. Тираж 500 экз. Цена свободная

Nosov Magnitogorsk State Technical University

Humanitarian and pedagogical Research

Scientific Journal
(published since 2017 four times a year)

2019 VOL. 3 No. 4

© Federal State Budgetary Institution of Higher Professional Education
Nosov Magnitogorsk State Technical University, 2019

Founder - Nosov Magnitogorsk State Technical University (38, Lenin St., Magnitogorsk, Chelyabinsk Region, 455000).

16+ in accordance with Federal Law #436-FZ dated 29.12.2010

Editorial office: 26, Lenin St., Magnitogorsk, Chelyabinsk Region, 455000, Phone: +7(3519) 229961, E-mail: igo@magtu.ru

The photos on the journal cover were made by the university students and academic staff in different years

The scientific preparation of the journal is carried out by the lecturers of the Institute for the Humanities, Nosov Magnitogorsk State Technical University

Editorial office:

45/2 Karla Marksa prospekt, Magnitogorsk, Chelyabinsk region, 455000, Russia
Nosov Magnitogorsk State Technical University

Printing office:

38 Lenin prospekt, Magnitogorsk, Chelyabinsk region, 455000, Russia
Nosov Magnitogorsk State Technical University

Publication date: 23.12.2019. Order 397. Circulation: 500. Open price.

Редакционная коллегия

Главный редактор – д-р пед. наук *Савва Любовь Ивановна* (Магнитогорск)
Зам. главного редактора – д-р пед. наук *Елена Николаевна Ращичулина* (Магнитогорск)
Ответственный редактор – канд. филол. наук *Светлана Леонидовна Андреева* (Магнитогорск)
Технический редактор - *Чурилов Владимир Васильевич* (Магнитогорск)

Редакционный совет

Раздел I. Образование и педагогические науки

Гневэк Ольга Владимировна – д-р пед. наук (Магнитогорск)
Кружилина Тамара Васильевна - д-р пед. наук (Магнитогорск)
Лешер Ольга Вениаминовна - д-р пед. наук (Магнитогорск)
Маралов Владимир Георгиевич - д-р психол. наук (Череповец)
Орехова Татьяна Федоровна - д-р пед. наук (Магнитогорск)
Пономарева Любовь Дмитриевна - д-р пед. наук (Магнитогорск)
Сайгушев Николай Яковлевич - д-р пед. наук (Магнитогорск)
Кувшинова Ирина Александровна - канд. пед. наук (Магнитогорск)

Раздел II. Общественные науки

Джустин Мария Тереза - проф. (Кьети, Италия)
Дубинин Сергей Николаевич - д-р психол. наук (Костанай, Казахстан)
Желеску Петр Степанович - проф., доктор психол. наук (Кишинев, Молдова)
Потемкина Марина Николаевна - д-р ист. наук (Магнитогорск)
Коробков Юрий Дмитриевич - д-р ист. наук (Магнитогорск)
Мусийчук Мария Владимировна - д-р. филос. наук (Магнитогорск)
Испулова Светлана Николаевна - канд. пед. наук (Магнитогорск)
Макарова Надежда Николаевна - канд. ист. наук (Магнитогорск)
Чернобровкин Владимир Александрович - канд. филос. наук (Магнитогорск)
Мережников Андрей Петрович - канд. психол. наук (Магнитогорск)

Раздел III. Филологические науки

Исакова Сабра Сагынбековна - д-р филол. наук (Актобе, Казахстан)
Песина Светлана Андреевна - д-р филол. наук (Магнитогорск)
Савельев Константин Николаевич - д-р филол. наук (Магнитогорск)
Чурилина Любовь Николаевна - д-р филол. наук (Магнитогорск)
Шулежкова Светлана Григорьевна - д-р филол. наук (Магнитогорск)
Емец Татьяна Владимировна - канд. филол. наук (Магнитогорск)
Пустовойтова Ольга Васильевна - канд. филол. наук (Магнитогорск)
Ломакина Екатерина Александровна - канд. филол. наук (Магнитогорск)

Редакторы части журнала на английском языке

Лукина Оксана Анатольевна - канд. пед. наук (Магнитогорск)

Editorial team

Editor-in-Chief - *Liubov' I. Savva*, Doctor of Science in Pedagogy (Magnitogorsk, Russia)
Deputy editor-in-chief - *Elena N. Rashchikulina*, Doctor of Science in Pedagogy (Magnitogorsk, Russia)
Managing editor - *Svetlana L. Andreeva*, Candidate of Philology (Magnitogorsk, Russia)
Technical Editor - *Vladimir V. Churilov* (Magnitogorsk, Russia)

Editorial Council

Section I. Education and Pedagogical Sciences

Ol'ga V. Gnevек - Doctor of Science in Pedagogy (Magnitogorsk, Russia)
Tamara V. Krujilina - Doctor of Science in Pedagogy (Magnitogorsk, Russia)
Olga V. Leshер - Doctor of Science in Pedagogy (Magnitogorsk, Russia)
Vladimir G. Maralov - Doctor of Science in Psychology (Cherепovets, Russia)
Tatiana F. Orehova – Doctor of Science in Pedagogy (Magnitogorsk, Russia)
Ljubov' D. Ponomareva - Doctor of Science in Pedagogy (Magnitogorsk, Russia)
Nikolai N. Saigushev - Doctor of Science in Pedagogy (Magnitogorsk, Russia)
Irina A. Kuvshinova – Candidate of Pedagogy (Magnitogorsk, Russia)

Section II. Social Sciences

Maria Teresa Giusti - Adjunct Professor of Contemporary History and Social History, PhD Dpt. of Literature, Arts and Social Sciences (Chieti, Italy)
Sergey N. Dubinin - Doctor of Science in Psychology (**Kostanay, Kazakhstan**)
Petru Jelescu - Doctor of Science in Psychology (Kishinev, Republica Moldova)
Marina N. Potemkina - Doctor of Science in History (Magnitogorsk, Russia)
Yuriy D. Korobkov - Doctor of Science in History (Magnitogorsk, Russia)
Maria V. Musiychuk - Doctor of Science in Philosophy (Magnitogorsk, Russia)
Svetlana N. Ispulova - Candidate of Pedagogy (Magnitogorsk, Russia)
Nadezhda N. Makarova - Candidate of History (Magnitogorsk, Russia)
Vladimir A. Chernobrovkin - Candidate of Philosophy (Magnitogorsk, Russia)
Andrey P. Merezchnikov - Candidate of Psychology

Section III. Philology

Sabira S. Issakova - Doctor of Science in Philology (Aktobe, Kazakhstan)
Svetlana A. Pesina - Doctor of Science in Philology (Magnitogorsk, Russia)
Konstantin N. Savelyev - Doctor of Science in Philology (Magnitogorsk, Russia)
Lyubov N. Churilina - Doctor of Science in Philology (Magnitogorsk, Russia)
Svetlana G. Shulezhkova - Doctor of Science in Philology (Magnitogorsk, Russia)
Tatiana V. Emets - Candidate of Philology (Magnitogorsk, Russia)
Olga V. Pustovoitova - Candidate of Philology (Magnitogorsk, Russia)
Yekaterina A. Lomakina - Candidate of Philology (Magnitogorsk, Russia)

Editors of the issue of the journal in English

Oxsana A. Lukina - Candidate of Pedagogy (Magnitogorsk, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

I. ОБРАЗОВАНИЕ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ6

Е. Д. Трегубова

ПРОЕКТНО-ОРИЕНТИРОВАННАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СРЕДА КАК ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ УСЛОВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ ГОТОВНОСТИ ПЕДАГОГА СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ К ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ6

Л. В. Орнина, С. А. Одинаева

ВОЗМОЖНОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТНОГО ПОДХОДА В ИНЖЕНЕРНОМ ОБРАЗОВАНИИ РОССИИ И ТАДЖИКИСТАНА 14

II. ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ21

А. Г. Дорожкин

«ОТСТУПНИКИ» НА СТРАНИЦАХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ: ЮГОСЛАВИЯ КОНЦА 1940-х – НАЧАЛА 1950-х ГГ. И КНР 1970-х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 1980-х ГГ. В ОТРАЖЕНИИ СОВЕТСКОЙ БЕЛЛЕТРИСТИКИ 21

М. Ю. Киселев

МАГНИТОГОРСК И АКАДЕМИЧЕСКАЯ НАУКА: ИЗ ФОНДОВ АРХИВА РАН..... 29

III. ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ34

С. А. Песина, О. Л. Зимарева, Т. Ю. Баклыкова

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ СЛОВА В СВЕТЕ АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКОГО ПОДХОДА 34

Н. В. Кожушкова

КРАСОТА СЛОВА, ОБРАЗА, МИРА В СТИХОТВОРЕНИИ К. Д. БАЛЬМОНТА «РОСИНКА»..... 39

ПАМЯТКА АВТОРАМ.....45

ГОДОВОЙ УКАЗАТЕЛЬ ОПУБЛИКОВАННЫХ МАТЕРИАЛОВ 2019 г.....51

CONTENTS

SECTION I. EDUCATION AND PEDAGOGICAL SCIENCES.....6

Tregubova E. D.

Project-based Learning Environment as a Precondition for the Development of a Secondary Vocational Education Teacher Readiness for Project Activities.....6

Orinina L.V., Odinava C. A.

Opportunities of the Project Approach Implementation in Engineering Education in Russia and Tajikistan.....14

SECTION II. SOCIAL SCIENCES.....20

Dorozhkin A.G.

“Traitors” in the Pages of Works of Literature: Yugoslavia in the late of 1940s-early 1950s and China in the 1970s – the first half of 1980s in the Interpretation of the Soviet Literature.....20

Kiselev M. Yu.

Magnitogorsk and Academic Science: from Archives of Archives of the RAS.....29

SECTION III. PHILOLOGY34

Pesina S. A., Zimareva O. L., Baklykova T. Yu.

Experimental Study of Semantic Structure of the World in the Light of Anthropocentric Approach.....34

Kozhushkova N. V.

Beauty of Word, Image, World in a Poem «A Dewdrop» by K. D. Balmont.....39

INFORMATION FOR THE AUTHOR49

ANNUAL INDEX OF PUBLISHED MATERIALS (2019).....51

ПРОЕКТНО-ОРИЕНТИРОВАННАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СРЕДА КАК ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ УСЛОВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ ГОТОВНОСТИ ПЕДАГОГА СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ К ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. Статья посвящена проблеме формирования готовности педагога среднего профессионального образования (далее – СПО) к проектной деятельности – интегративного качества личности, необходимого для эффективного осуществления указанного вида деятельности. Актуальность исследования обусловлена объективной востребованностью готовности педагога СПО к проектной деятельности и недостаточной теоретической разработанностью, научно-методической обеспеченностью процесса ее формирования в условиях профессиональной образовательной организации. Представленное исследование отражает основные подходы к определению сущности одного из педагогических условий формирования исследуемого вида готовности педагога СПО: создание проектно-ориентированной образовательной среды. Основными методами исследования явились методы теоретического анализа, эксперимента и моделирование. В основе выделения необходимых и достаточных педагогических условий формирования исследуемого вида готовности педагога СПО представлены положения деятельностного, информационного и проектного подходов; результаты констатирующего эксперимента; а также ключевые характеристики компонентов готовности педагога СПО к проектной деятельности – мотивационно-ценностного, когнитивного, деятельностного и рефлексивного. На основе анализа психолого-педагогической литературы в исследовании рассмотрены базовые понятия: условие, педагогическое условие, образовательная среда, проектно-ориентированная образовательная среда. При определении сущности процесса создания проектно-ориентированной образовательной среды особое внимание уделено характеристике выделенных компонентов среды: технологического, пространственно-предметного, социального и информационного. Сделаны выводы о связи компонентов предлагаемой проектно-ориентированной образовательной среды с компонентами готовности педагога СПО к проектной деятельности. Автором представлены мероприятия по созданию проектно-ориентированной образовательной среды на управленческом, организационном и информационно-диагностическом уровнях. Предлагаемая проектно-ориентированная образовательная среда имеет информационный, практико-ориентированный, развивающий характер и обеспечивает переход педагога СПО на более высокий уровень исследуемого вида готовности.

Ключевые слова: образовательная среда, среднее профессиональное образование, проектно-ориентированная образовательная среда, педагогическое условие, формирование готовности педагога к проектной деятельности.

Введение

Общие тенденции развития современного информационного общества в условиях шестого технологического уклада таковы, что проектирование и управление проектами, как универсальные компетенции, становятся неотъемлемой частью любой профессии. Готовность к проектной деятельности рассматривается как важнейшая характеристика личности в любой сфере деятельности, в том числе профессиональной. Актуальность исследования проблемы готовности педагога СПО к проектной деятельности обусловлена инновационными преобразованиями системы СПО, в рамках которых она выступает как один из показателей качества профессионально-педагогической деятельности педагога СПО¹.

Опыт работы автора в профессиональной образовательной организации, проведенные исследования, анкетирование педагогов СПО, анализ сложившейся практики проектной деятельности в СПО свидетельствуют о том, что даже при наличии у педагогов СПО высокой мотивации к данному виду деятельности, при осознании ее социальной и профессиональной значимости проектная деятельность часто осуществляется стихийно и не на должном уровне. Не учитываются возможности образовательной среды в профессиональной образовательной организации для формирования готовности педагога СПО к проектной деятельности. Причина видится в отсутствии эффективной системы организации проектной деятельности педагога СПО в условиях профессиональной образовательной организации.

¹ Приказ Минтруда России N 608н от 08.09.2015 "Об утверждении профессионального стандарта "Педагог профессионального обучения, профессионального образования и дополнительного профессионального образования" (Зарегистрировано в Минюсте России 24.09.2015 N 38993)

Результаты анализа научной литературы, диссертационных и педагогических исследований ученых по данной проблеме [3;10; 15] подтверждают существующую потребность в разработке теоретических оснований, практического аппарата, в том числе путей формирования готовности педагога СПО к проектной деятельности в условиях его профессионально-педагогической деятельности.

Как интегративное качество личности педагога СПО, готовность к проектной деятельности определяет эффективность осуществления этой деятельности и рассматривается нами как совокупность ее компонентов, *мотивационно-ценностного, когнитивного, деятельностного и рефлексивного* [9; 10]. Процесс формирования исследуемого вида готовности педагога СПО есть позитивное изменение указанных компонентов посредством освоения содержания, приемов, методов и средств проектной деятельности.

В своем исследовании мы исходим из того, что формирование готовности педагога СПО к проектной деятельности будет эффективным, если в условиях профессиональной образовательной организации внедрена педагогическая система формирования исследуемого вида готовности педагога СПО и реализованы педагогические условия, обеспечивающие эффективность и результативность данного процесса. Отсюда целью данного исследования является выделение, определение сущности и обоснование одного из педагогических условий формирования готовности педагога СПО к проектной деятельности – *создание проектно-ориентированной образовательной среды*.

Исследование проведено на базе профессиональных образовательных организаций г. Магнитогорска и многопрофильного колледжа ФГБОУ ВО «МГТУ им. Г.И. Носова». Использован комплекс теоретических и эмпирических методов: теоретический анализ психолого-педагогической литературы в контексте изучаемой проблемы; моделирование; эмпирические методы в процессе проведения педагогического эксперимента. На основе результатов констатирующего эксперимента с учетом результатов анализа теоретических источников, опыта и практики проектной деятельности, методов наблюдения, анкетирования, тестирования и экспертной оценки получены и обработаны промежуточные результаты исследования. Степень воздействия выделенного педагогического условия на процесс формирования готовности педагога СПО к проектной деятельности проверялась в ходе формирующего этапа педагогического эксперимента.

1. Педагогические условия формирования готовности педагога СПО к проектной деятельности

Анализ справочной, философской, психолого-педагогической литературы свидетельствует, что, являясь общенаучным, понятие «условие» представляет собой «совокупность причин, обстоятельств, каких-либо объектов, влияющих на функционирование и развитие какого-либо объекта» (системы) [6]. Указанная совокупность обнаруживает и подчеркивает необходимость существования самого явления, объекта (системы) [12; 13; 14; 18]. Сущность понятия «условие» в педагогическом контексте заключается в том, что совокупность причин, обстоятельств, каких-либо объектов влияет на развитие, воспитание и обучение человека, при этом условия воздействуют и на динамику, и на конечные результаты этих процессов [5].

Анализируя и обобщая взгляды В. И. Андреева [2], А. А. Володина, Н. Г. Бондаренко [4], Н. В. Ипполитовой, Н. С. Стерховой [5] и других авторов на педагогические условия, их разновидности (организационно-педагогические, психолого-педагогические и дидактические), мы в своем исследовании рассматриваем данное понятие как компонент педагогической системы, характеризующий совокупность возможностей образовательной и материально-пространственной среды, реализация которых обеспечит эффективное функционирование и развитие этой педагогической системы. К возможностям образовательной среды мы относим целенаправленно сконструированные меры воздействия и взаимодействия ее субъектов (содержание, методы, формы обучения, методическое обеспечение процесса), а к возможностям материально-пространственной среды – средства инновационной инфраструктуры профессиональной образовательной организации и ее партнеров. Педагогические условия формирования готовности педагога СПО к проектной деятельности, в том числе, рассматриваемое условие, должны содержать элементы (меры воздействия), направленные на преобразование личностных характеристик педагога СПО – компонентов готовности к проектной деятельности (личностный аспект системы); а также элементы, обеспечивающие целенаправленное, планируемое управление развитием процесса формирования готовности педагога СПО к проектной деятельности (процессуальный аспект системы).

Основным требованием к выбору условий в научной литературе рассматриваются характеристики их необходимости и достаточности. К необходимым относят условия, которые имеют место всякий раз, как только возникает действие, к достаточным – те, которые непременно вызывают данное действие [2; 8]. Под необходимыми педагогическими условиями мы понимаем условия, детерминирующие процесс формирования готовности педагога СПО к проектной деятельности, под достаточными – такие, сочетание которых непременно вызывает требуемое действие, то есть эффективное функционирование рассматриваемого процесса.

При определении необходимых и достаточных педагогических условий формирования готовности педагога СПО к проектной деятельности нами учтены: 1) положения системного, деятельностного, информационного и проектного подходов [9]; 2) структурные компоненты готовности педагога СПО к проектной деятельности и особенности их формирования [10; 11]; 3) результаты проведенного анализа психолого-педагогической литературы по изучаемой проблеме; и 4) результаты опыта практической проектной деятельности профессиональных образовательных организаций и констатирующего эксперимента. В процессе исследования определены следующие педагогические условия формирования готовности педагога СПО к проектной деятельности: создание проектно-ориентированной образовательной среды; реализация модульной программы внутрифирменного обучения педагогов СПО проектной деятельности; стимулирование выхода педагога СПО в рефлексивную позицию через самоанализ и самооценку собственной проектной деятельности.

Необходимым педагогическим условием, обеспечивающим эффективность процесса формирования исследуемой готовности педагога СПО, является создание проектно-ориентированной образовательной среды. Перейдем к непосредственному его рассмотрению.

2. Образовательная среда: понятие и структурно-содержательные характеристики

Анализ психолого-педагогической литературы свидетельствует о широком научном интересе педагогической общественности к сущности понятия «образовательная среда», ее влиянию на процессы формирования и развития личности, типологическим признакам, классификации и моделированию. основополагающим критерием выделения среды рассматривается факт взаимодействия: средой является та часть окружающего мира, с которой субъект взаимодействует [1; 18; 19].

Существует целый ряд подходов, определяющих специфику и компоненты образовательной среды. Так, в исследованиях В. В. Рубцова образовательная среда представлена как форма коммуникативного взаимодействия, в рамках которой между участниками образовательного процесса создаются «особые виды общности», обеспечивающие передачу необходимых для функционирования в данной общности норм жизнедеятельности, в том числе способы, знания, умения, навыки учебной и коммуникативной деятельности [16]. Данная модель образовательной среды характеризуется как коммуникативно-ориентированная.

С позиций эколого-психологического подхода образовательная среда рассматривается В. А. Ясвиным как «система влияний и условий формирования личности, а также возможностей для ее развития, содержащихся в социальном и пространственно-предметном окружении» [19, с. 15]. Комплекс возможностей для саморазвития всех субъектов образовательной среды обеспечивает ее развивающий эффект.

Базовым понятием антрополого-психологической модели образовательной среды В. И. Слободчикова выступает совместная деятельность «образующего и образуемого». Ученый подчеркивает, что среда как совокупность условий, обстоятельств, а также окружающая индивида обстановка «не есть нечто однозначно и наперед заданное» [17, с. 175], она является системным продуктом взаимодействия управления образованием и самого обучающегося.

В структуре образовательной среды специалисты выделяют различные компоненты. В частности, образовательная среда в исследованиях В. В. Рубцова представлена «внутренней направленностью» образовательной организации, социально-психологической структурой коллектива, психологическим климатом и организацией передачи знаний [16]. Е. А. Климов выделяет социально-контактную, информационную, соматическую и предметную «части» среды [6]. Г. А. Ковалев в структуру образовательной среды включает физическое окружение, человеческие факторы и программу обучения [7]. Четырехкомпонентная модель образовательной среды В. А. Ясвина представлена субъектами образовательного процесса, социальным, пространственно-предметным и технологическим компонентами [19]. В качестве основных параметров образовательной среды В. И. Слободчиковым выделены ее ресурсный потенциал и способ организации [17].

Сравнительный анализ существующих подходов к исследованию образовательной среды свидетельствует о наличии общих структурно-содержательных характеристик среды, на наш взгляд, не противоречащих, а взаимодополняющих друг друга.

В нашем исследовании мы придерживаемся научной позиции В. А. Ясвина. Вслед за автором под образовательной средой мы понимаем такую среду, которая способна обеспечивать комплекс возможностей для саморазвития всех субъектов образовательного процесса. При этом возможность как особое единство свойств образовательной среды и субъекта, является в равной мере как фактом образовательной среды, так и фактом поведения личности. Предоставление образовательной средой возможности, обеспеченной ресурсами и позволяющей удовлетворить определенную потребность, «провоцирует» субъекта проявить соответствующую активность, присоединить к факту наличия этой возможности в среде факт своего поведения [19].

Основываясь на данном положении, мы считаем, что образовательная среда, предоставляющая возможность осуществления проектной деятельности субъектам и обеспеченная соответствующими ресурсами способствует приобретению ими совокупности устойчивых умений, свойств и качеств, формированию и развитию компонентов готовности к проектной деятельности. Таким образом, специально организованная соответствующая образовательная среда является условием формирования готовности к проектной деятельности как интегративного качества личности педагога СПО, определяющего эффективное осуществление им проектной деятельности.

Обобщив и проанализировав взгляды исследователей на компонентный состав образовательной среды, учитывая особенности нашего исследования, в структуре, создаваемой проектно-ориентированной образовательной средой, мы выделяем технологический, пространственно-предметный, социальный и информационный компоненты.

3. Проектно-ориентированная образовательная среда

Проектно-ориентированная образовательная среда рассматривается нами как подсистема образовательной среды. Ее основной характеристикой является категориальная связь с контекстом проекта (проектный) и направленность (ориентированность) всех ее компонентов на указанный контекст.

Создание проектно-ориентированной образовательной среды предполагает организацию системы связей между всеми ее элементами (ресурсами), обеспечивающими возможность формирования и развития проектной деятельности субъектов указанной среды: обучающихся, педагогов СПО, администрации и представителей заинтересованных организаций работодателя [1]. Организация такой системы связей представляет собой последовательность организации и обеспечения: 1) проектной деятельности субъектов создаваемой среды; 2) контактов субъектов с ее проектным пространственно-предметным наполнением; 3) межличностного взаимодействия субъектов, опосредующего воздействие проектного пространственно-предметного наполнения и включение их в проектную деятельность.

Технологический компонент проектно-ориентированной образовательной среды является стратегическим ориентиром создаваемой среды и предполагает применение проекта как компонента содержания обучения и как основы деятельности всех ее субъектов. В рамках создаваемой среды речь идет о проектировании ее субъектами (педагогом СПО, работодателем и администрацией) содержания образования (образовательных программ СПО), о применении в качестве основной образовательной технологии проектного обучения, а также о проектировании соответствующих условий среды для реализации этого содержания и технологии.

Организация развивающих возможностей для педагога СПО в рамках технологического компонента связана с разработкой и реализацией модульной программы внутрифирменного обучения педагогов СПО проектной деятельности. Целью программы является освоение педагогами СПО технологии проектирования образовательных систем, процессов и ситуаций, а также способов организации и управления проектной деятельностью, в том числе обучающихся. Программа реализует модель обучения взрослых на опыте (Experiential Learning), согласно которой полученный опыт проектной деятельности трансформируется в знания, умения, отношения, эмоции и ценности [9].

Таким образом, технологический компонент создаваемой среды направлен на когнитивный (знания теоретических, технологических основ проектной деятельности, знание способов организации, осуществления и управления ею) и деятельностный (проектно-технологические, управленческие и коммуникативные умения) компоненты готовности педагога СПО к проектной деятельности.

Пространственно-предметный компонент проектно-ориентированной образовательной среды предполагает средства, совокупность которых обеспечивает возможность требуемых действий и обуславливает поведение субъектов образовательной среды. К средствам, обеспечивающим эффективную проектную деятельность субъектов создаваемой среды, мы относим инновационную инфраструктуру образовательной организации, а также организацию и обеспечение ее максимально эффективного применения через коллективное использование по протоколу.

Проектно-ориентированная образовательная среда кроме учебно-производственной и лабораторной базы образовательной организации, производственной базы организаций работодателей содержит ряд специализированных площадок, оснащенных высокотехнологичным оборудованием («Кванториумы», мастерские по компетенциям WorldSkills и др.), сеть коворкингов, проектных аудиторий и др.

Пространственно-предметный компонент проектно-ориентированной образовательной среды предполагает консолидацию ресурсов образовательной организации и ее партнеров, применение новейших инструментов накопления, обработки и передачи образовательной информации посредством информационных каналов. К ним мы относим локальные и международные образовательные сети, платформы, системы открытого образования, электронные библиотеки, мультимедийные средства, системы программного обеспечения. Данные средства дают возможность организации и осуществления проектной деятельности в образовательном информационном пространстве, в частности разработки и управления проектами в модульной объектно-ориентированной динамической обучающей среде «Moodle».

Организация пространственно-предметных возможностей создаваемой среды на основе использования специализированных площадок, площадок, оснащенных высокотехнологичным оборудованием, современных информационно-коммуникационных технологий, необратимым образом меняет образовательный процесс, его содержательную и процессуальную основы, а также систему ценностей его субъектов. Таким образом, пространственно-предметный компонент и его проектное наполнение направлен на деятельностный (комплекс умений организации, осуществления и управления проектной деятельностью) и мотивационно-ценностный (ценностные ориентации, мотивы и установки, актуализирующие проектную деятельность) компоненты готовности педагога СПО к проектной деятельности.

Социальный компонент проектно-ориентированной образовательной среды призван обеспечить продуктивный стиль взаимодействия между всеми субъектами создаваемой среды в интересах развития их проектной деятельности. Продуктивный стиль рассматривается нами как способ контактов партнеров, направленный на установление позитивных отношений, взаимного доверия, раскрытие личностных потенциалов и достижение эффективных результатов по разработке и реализации групповых и коллективных проектов в условиях командной работы.

Положительная мотивация и проектная активность педагогов СПО в рамках данного компонента создаваемой среды обеспечивается соответствующими формами продуктивного взаимодействия. К ним мы относим работу проектных офисов и проектных групп; тренинги командообразования, педагогические мастерские, исследовательские лаборатории, кейс-технологии, деловые игры, круглые столы, в том числе с привлечением заказчиков, экспертов, работодателей, ведущих специалистов в области проектного обучения и управления проектами.

Социальный компонент проектно-ориентированной образовательной среды направлен на деятельностный (умения сотрудничества и взаимодействия в процессе командной работы) и рефлексивный (рефлексия собственной проектной деятельности) компоненты готовности педагога СПО к проектной деятельности.

Информационный компонент проектно-ориентированной образовательной среды представлен совокупностью средств и условий отбора, преобразования и хранения необходимой информации для организации и осуществления проектной деятельности ее субъектов: обучающихся, педагогов СПО, администрации и представителей заинтересованных организаций работодателя. В информационный компонент среды мы включаем нормативно-правовые источники информации о любом проектировании, в том числе педагогическом; банк данных по образовательным проектам, соответствующие методические разработки; идеи и опыт создания образовательных проектов и др. Особое место в данном компоненте занимают установленные профессиональной образовательной организацией формы проектной документации, учебно-методическое обеспечение реализации проектного обучения в рамках основных программ СПО, обеспечение программы внутрифирменного обучения педагогов СПО.

Информационный компонент проектно-ориентированной образовательной среды направлен на информационное обеспечение формирования всех компонентов готовности педагога СПО к проектной деятельности: мотивационно-ценностного, когнитивного, деятельностного и рефлексивного.

Создание проектно-ориентированной образовательной среды предполагает ряд мероприятий на управленческом, организационном и информационно-диагностическом уровнях.

Управленческий уровень обеспечивает планирование и контроль качества проектной деятельности субъектов создаваемой проектно-ориентированной образовательной среды, а также оценочно-аналитическую деятельность по выявлению резервов повышения ее качества; создание и организационно-методическое обеспечение деятельности проектных офисов для управления проектной деятельностью.

Организационный уровень связан с мероприятиями по привлечению субъектов среды к активной проектной деятельности. На данном уровне, в частности, предполагается организация участия субъектов в разработке и реализации проектов профессиональной образовательной организации, конкурсах грантов различного уровня; организация и проведение конкурсов проектов и т. д.

Информационно-диагностический уровень предполагает информационное обеспечение проектной деятельности, в том числе сбор и распространение информации о грантах, конкурсах, конференциях, проектах, а также выявление уровня развития готовности субъектов среды, в том числе педагогов СПО к проектной деятельности на основе диагностических методик [11].

Заключение

В качестве необходимого педагогического условия, обеспечивающего эффективность процесса формирования готовности педагога СПО к проектной деятельности в исследовании определено создание проектно-ориентированной образовательной среды.

Проектно-ориентированная образовательная среда как подсистема образовательной среды профессиональной образовательной организации имеет информационный, практико-ориентированный, развивающий характер и представляет собой совокупность возможностей образовательной и материально-пространственной среды, обеспечивающих побуждение ее субъектов к эффективной проектной деятельности. В качестве таких возможностей выступают целенаправленно сконструированные меры воздействия и взаимодействия ее субъектов (содержание, методы, формы обучения, методическое обеспечение процесса) и средства инновационной инфраструктуры профессиональной образовательной организации и ее партнеров.

Выделенные в процессе исследования технологический, пространственно-предметный, социальный и информационный компоненты проектно-ориентированной образовательной среды согласуются со структурой исследуемой готовности педагога СПО, ее взаимодополняющими компонентами – мотивационно-ценностным, когнитивным, деятельностным и рефлексивным.

Проектно-ориентированная образовательная среда способствует формированию всех компонентов исследуемого вида готовности и обеспечивает переход педагога СПО на более высокий уровень готовности к проектной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ананьина Ю. В., Блинов В. И., Сергеев И. С. Образовательная среда: развитие образовательной среды среднего профессионального образования в условиях сетевой кластерной интеграции. М. : ООО «Аванглион-Принт», 2012. 152 с.
2. Андреев В. И. Диалектика воспитания и самовоспитания творческой личности. Казань : Изд-во КГУ, 1988. 238 с.
3. Андриюхина Л. М., Венков С. С., Днепров С. А., Устьянцева О. М. Педагогическое исследование уровня владения педагогами среднего профессионального образования перспективными компетенциями // Педагогическое образование в России. 2016. № 12. С. 254–263.
4. Володин А. А., Бондаренко Н. Г. Анализ содержания понятия «Организационно-педагогические условия» // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2014. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-soderzhaniya-ponyatiya-organizatsionno-pedagogicheskie-usloviya> (дата обращения: 24.11.2019).
5. Ипполитова Н. В., Стерхова Н. С. Анализ понятия «педагогические условия»: сущность, классификация // General and Professional Education. 2012. № 1. С. 8–14.
6. Климов Е. А. О среде обитания человека глазами психолога // Материалы 2-й Рос. конф. по экологической психологии / под ред. В.И. Панова. М.; Самара : Издательство МГППИ, 2001. С. 7–9.
7. Ковалев Г. А. Психическое развитие ребенка и жизненная среда // Вопросы психологии. 1993. № 1. С.

13–23.

8. Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. М. : Политиздат, 1993. 678 с.
9. Лешер О. В., Трегубова Е. Д. Проектный подход в образовании взрослых // Актуальные проблемы современной науки, техники и образования : тезисы докладов 77-й международной научно-технической конференции. / под ред. Н. А. Тулупова [и др.]. Магнитогорск : Магнитогорский гос. технический ун-т им. Г. И. Носова, 2019. С. 284.
10. Лешер О. В., Трегубова Е. Д. Характеристика готовности к проектной деятельности педагога СПО // Проблемы современного педагогического образования. 2019. Вып. 63. Ч. 2. С. 258–262.
11. Лешер О. В., Трегубова Е. Д. Критериально-уровневое оценивание готовности педагога среднего профессионального образования к проектной деятельности // Современные проблемы науки и образования. 2019. № 3.; URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=28808> (дата обращения: 21.09.2019).
12. Немов Р. С. Психология: словарь-справочник. В 2 ч. М. : Изд-во Владос-Пресс, 2003. Ч. 2. 352 с.
13. Ожегов С. И. Словарь русского языка: ок. 53000 слов / под общ. ред проф. Л. И. Скворцова. 24-е изд., испр. М. : ООО «Издательство Ониск»: ООО «Издательство Мир и образование», 2007. 640 с.
14. Полонский В. М. Словарь по образованию и педагогике. М. : Высш. шк. 2004. 512 с.
15. Прищепина Т. А. Возможности образовательных сред для реализации проектной деятельности педагогов // Вестник ТГПУ. 2015. № 7 (160). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozmozhnosti-obrazovatelnyh-sred-dlya-realizatsii-proektnoy-deyatelnosti-pedagogov> (дата обращения: 13.02.2019).
16. Рубцов В. В. О проблеме соотношения развивающих образовательных сред и формирования знания (к определению предмета экологической психологии) // Материалы 2-й Рос. конф. по экологической психологии / под ред. В. И. Панова. М. : Самара, 2001. С. 77–81.
17. Слободчиков В.И. О понятии образовательной среды в концепции развивающего образования // Материалы 2-й Рос. конф. по экологической психологии / под ред. В.И. Панова. М.: Самара, 2001. С. 172–176.
18. Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л. Ф. Ильичев [и др.]. М. : Советская энциклопедия, 1983. 840 с.
19. Ясвин В. А. Образовательная среда: от моделирования к проектированию. М. : Смысл, 2001. 365 с.

E.D. Tregubova (Magnitogorsk, Russia)

PROJECT-BASED LEARNING ENVIRONMENT AS A PRECONDITION FOR THE DEVELOPMENT OF A SECONDARY VOCATIONAL EDUCATION TEACHER READINESS FOR PROJECT ACTIVITIES

Abstract. The article is dedicated to the issue of the development of teacher readiness for project activities as an integrative trait of a secondary vocational education teacher, substantial for the effective implementation of the activities mentioned above. The relevance of the research comes from the demand for a secondary vocational education teacher readiness to project activities as well as inadequate study of the issue along with the lack of a scientific and methodological basis for its development in terms of an educational institution. The study reveals basic approaches to determining the nature of one of the pedagogical conditions for development of a secondary vocational education teacher readiness under study: creating project-based learning environment. The methods of the research were theoretical analysis, simulation and experiment. The core of the required and sufficient pedagogical conditions for the development of the activities under study includes the concepts of activity orientated, information and project-based approaches; key characteristics of the components of a secondary vocational education teacher readiness to project activities: motivation-and-value, cognitive, activity oriented, and reflexive-evaluative as well as the results of the indicative experiment. In reviewing psychological and pedagogical books the author examines the basic concepts: condition, pedagogical condition, learning environment, project-based learning environment. While essentializing the creation of project-based learning environment special attention is given to the characteristics of the distinguished components: technological, spatial, social and information ones; conclusions are drawn concerning the interjection between the proposed project-based learning environment and a secondary vocational education teacher readiness to project activities components. The author also introduces activities for building the proposed project-based learning environment at managerial, organizational, and information-diagnostic levels. The proposed project-based learning environment has information, practical-oriented and developing principles, and it provides a secondary vocational education teacher with a higher level of transition of the readiness under study.

Keywords: learning environment, project-based learning environment, pedagogical condition, the development of a secondary vocational education teacher readiness to project activities.

REFERENCES

1. Anan'ina Yu. V., Blinov V. I., Sergeev I. S. Obrazovatel'naya sreda: razvitie obrazovatel'noi sredy srednego professional'nogo obrazovaniya v usloviyakh setevoi klasternoi integratsii. М. : ООО «Avanglion-Print», 2012. 152 s.

2. Andreev V. I. *Dialektika vospitaniya i samovospitaniya tvorcheskoi lichnosti*. Kazan' : Izd-vo KGU, 1988. 238 s.
3. Andryukhina L. M., Venkov S. S., Dneprov S. A., Ust'yantseva O. M. *Pedagogicheskoe issledovanie urovnya vladeniya pedagogami srednego professional'nogo obrazovaniya perspektivnymi kompetentsiyami // Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*. 2016. № 12. S. 254–263.
4. Volodin A. A., Bondarenko N. G. *Analiz sodержaniya ponyatiya «Organizatsionno-pedagogicheskie usloviya» // Izvestiya TulGU. Gumanitarnye nauki*. 2014. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-soderzhaniya-ponyatiya-organizatsionno-pedagogicheskie-usloviya> (data obrashcheniya: 24.11.2019).
5. Ippolitova N. V., Sterkhova N. S. *Analiz ponyatiya «pedagogicheskie usloviya»: sushchnost', klassifika-tsiya // General and Professional Education*. 2012. № 1. S. 8–14.
6. Klimov E. A. *O srede obitaniya cheloveka glazami psikhologa // Materialy 2-i Ros. konf. po ekologicheskoj psikhologii / pod red. V.I. Panova. M.; Samara : Izdatel'stvo MGPI, 2001. S. 7–9.*
7. Kovalev G. A. *Psikhicheskoe razvitie rebenka i zhiznennaya sreda // Voprosy psikhologii*. 1993. № 1. S. 13–23.
8. Kondakov N. I. *Logicheskii slovar'-spravochnik*. M. : Politizdat, 1993. 678 s.
9. Leshch O. V., Tregubova E. D. *Proektnyi podkhod v obrazovanii vzroslykh // Aktual'nye problemy sovremennoy nauki, tekhniki i obrazovaniya : tezisy dokladov 77-i mezhdunarodnoy nauchno-tekhnicheskoy konferentsii. / pod red. N. A. Tulupova [i dr.]. Magnitogorsk : Magnitogorskii gos. tekhnicheskii un-t im. G. I. Nosova, 2019. S. 284.*
10. Leshch O. V., Tregubova E. D. *Kharakteristika gotovnosti k proektnoy deyatel'nosti pedagoga SPO // Problemy sovremennoy pedagogicheskoy obrazovaniya*. 2019. Vyp. 63. Ch. 2. S. 258–262.
11. Leshch O. V., Tregubova E. D. *Kriterial'no-urovnevoe otsenivanie gotovnosti pedagoga srednego professional'nogo obrazovaniya k proektnoy deyatel'nosti // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. 2019. № 3.; URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=28808> (data obrashcheniya: 21.09.2019).
12. Nemov R. S. *Psikhologiya: slovar'-spravochnik*. V 2 ch. M. : Izd-vo Vlados-Press, 2003. Ch. 2. 352 s.
13. Ozhegov S. I. *Slovar' russkogo yazyka: ok. 53000 slov / pod obshch. red prof. L. I. Skvortsova*. 24-e izd., ispr. M. : OOO «Izdatel'stvo Oniks»: OOO «Izdatel'stvo Mir i obrazovanie», 2007. 640 s.
14. Polonskii V. M. *Slovar' po obrazovaniyu i pedagogike*. M. : Vyssh. shk. 2004. 512 s.
15. Prishchepa T. A. *Vozmozhnosti obrazovatel'nykh sred dlya realizatsii proektnoy deyatel'nosti pedagoga // Vestnik TGPU*. 2015. № 7 (160). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozmozhnosti-obrazovatelnykh-sred-dlya-realizatsii-proektnoy-deyatelnosti-pedagogov> (data obrashcheniya: 13.02.2019).
16. Rubtsov V. V. *O probleme sootnosheniya razvivayushchikh obrazovatel'nykh sred i formirovaniya znaniya (k opredeleniyu predmeta ekologicheskoy psikhologii) // Materialy 2-i Ros. konf. po ekologicheskoy psikhologii / pod red. V. I. Panova. M. : Samara, 2001. S. 77–81.*
17. Slobodchikov V. I. *O ponyatii obrazovatel'noi sredy v kontseptsii razvivayushchego obrazovaniya // Materialy 2-i Ros. konf. po ekologicheskoy psikhologii / pod red. V. I. Panova. M. : Samara, 2001. S. 172–176.*
18. *Filosofskii entsiklopedicheskii slovar' / gl. red. L. F. Il'ichev [i dr.]. M. : Sovetskaya entsiklopediya, 1983. 840 s.*
19. Yasvin V. A. *Obrazovatel'naya sreda: ot modelirovaniya k proektirovaniyu*. M. : Smysl, 2001. 365 s.

Трегубова Е. Д. Проектно-ориентированная образовательная среда как педагогическое условие формирования готовности педагога среднего профессионального образования к проектной деятельности // *Гуманитарно-педагогические исследования*. 2019. Т. 3. № 4. С. 6–13,

Tregubova E. D. *Project-based Learning Environment as a Precondition for the Development of a Secondary Vocational Education Teacher Readiness for Project Activities // Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya [Humanitarian and pedagogical Research]*, 2019, vol. 3, no. 4, pp. 6–13.

0,74 печ. л.

Дата поступления статьи – **28.10.2019**

Сведения об авторе

Трегубова Елена Дмитриевна - начальник учебно-методической части Многопрофильного колледжа ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова», г. Магнитогорск, Россия; tregubova_msk@mail.ru

Author:

Elena D. Tregubova - head of academic and methodological department, Polytechnic College, Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia tregubova_msk@mail.ru

*Л. В. Оринина (Магнитогорск, Россия)
С. А. Одинаева (Душанбе, Таджикистан)*

ВОЗМОЖНОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТНОГО ПОДХОДА В ИНЖЕНЕРНОМ ОБРАЗОВАНИИ РОССИИ И ТАДЖИКИСТАНА

Аннотация. Статья посвящена поиску эффективных способов реализации проектного подхода в инженерном образовании России и Таджикистана. Рассматриваются возможности использования современных образовательных технологий в реализации проектного подхода. В своем обосновании авторы опирались на анализ опыта европейских вузов, успешно реализующих проектный подход в своей деятельности. В статье представлен анализ смежных понятий, входящих в структуру проектного подхода: проект, проектное обучение, проектные технологии; представлен алгоритм реализации проектного подхода в системе современного образования в целом и инженерных образовательных практик, в частности. Также в статье представлено обоснование актуальности выбора проектно-ориентированной технологии в инженерном образовании России и Таджикистана с точки зрения основных образовательных траекторий вузов представленных стран, а также элемент сравнительной типологии образовательных систем России и Таджикистана, обуславливающий необходимость использования проектного подхода в инженерном образовании. Кроме этого, в статье рассмотрены основные задачи инженерного образования: развивать навыки инженерной деятельности у представителей современной молодежи в РФ; обеспечивать защиту общества от негативных последствий современных рыночных отношений, отражающихся на продуктах интеллектуальной собственности; обеспечивать благоприятное сетевое взаимодействие в системе «университет-производство»; создать благоприятные условия для промышленного регулирования и развития инженерного потенциала молодежи; обеспечивать развитие производства конкурентоспособной продукции.

Ключевые слова: инженерное образование, вузы России и Таджикистана, проект, проектный подход, проектные технологии, европейские практики, проектное обучение.

Динамично развивающийся рынок, новые вызовы, связанные с трансформацией ситуации на политической арене, постоянно меняющаяся геополитическая обстановка диктуют новые требования, предъявляемые к выпускникам вузов по инженерным направлениям подготовки, технические и образовательные компетенции которых должны соответствовать достижениям научно-технического прогресса и инновациям во всех сферах жизнедеятельности: науке, технике, промышленности. В этой интеграции инженерное образование играет роль одного из важных, смыслообразующих звеньев, реализация которого обеспечивает функционирование и всех остальных блоков модели, представленной на рисунке 1: науки, промышленности и инженерных инноваций.

Рис. 1 – Взаимодействие структурных блоков модели «Инновации-наука-промышленность-инженерное образование»

Считаем, что именно такое единство обеспечивает на выходе создание инженерных интеллектуальных продуктов нового поколения, широко востребованных на современном экономическом рынке. Данная взаимозависимость, в свою очередь, обращает нас к вопросу о необходимости развития у представителей современной молодежи, выпускников инженерных направлений подготовки, необходимых профессиональ-

ных квалификаций, соответствующих требованиям работодателей и меняющимся профессиональным стандартам. Уровень профессиональных квалификаций выпускников по техническим направлениям подготовки на сегодняшний день невысок, что объясняется несколькими факторами:

- массовым оттоком молодежи как основного кадрового ресурса из регионов в центральные районы или мегаполисы;
- общим высоким уровнем молодежной безработицы;
- полученным в университете уровнем знаний и профессиональных компетенций, не удовлетворяющих требованиям большинства промышленных производств, ориентированных на инновационные наукоемкие технологии и европейские стандарты качества;
- низким уровнем профессиональной мотивации выпускников технических направлений подготовки [1, с. 2249].

В этой связи остро встает вопрос о необходимости поиска новых образовательных траекторий и подходов, обеспечивающих преемственность профессиональной цепочки: «выпускник вуза-магистрант-квалифицированный работник технической сферы промышленного производства», продолжающий обучение и самообучение, участвующий в программе разработки продуктов интеллектуальной собственности. Одним из таких образовательных ресурсов, на наш взгляд, может стать проектный подход в инженерном образовании как возможность использования студентами своих внутриличностных и профессиональных потенциалов. В современных условиях рыночных отношений для представителей молодежи важным стратегическим ресурсом является разработка и реализация на практике и применительно к специфике производственного процесса собственных бизнес-проектов – авторских интеллектуальных продуктов, которые обладали бы мощным экономическим эффектом и универсальностью их использования в различных экономических условиях.

Однако, прежде чем, говорить о специфике использования проектного подхода в инженерном образовании обеих стран, остановимся подробнее на целях и задачах современного инженерного образования. Так, в качестве приоритетных на сегодняшний день предлагаем рассмотреть следующие задачи инженерного образования:

- развить навыки инженерной деятельности у представителей современной молодежи в РФ;
- обеспечить защиту общества от негативных последствий современных рыночных отношений, отражающихся на продуктах интеллектуальной собственности;
- обеспечить благоприятное сетевое взаимодействие в системе «университет-производство»;
- создать условия для промышленного регулирования и развития инженерного потенциала молодежи;
- обеспечить развитие производства конкурентоспособной продукции [4, с. 76].

В этой связи основными требованиями, предъявляемыми к современному инженеру на сегодня, по мнению И. В. Кашубы, являются следующие:

- академическая и профессиональная мобильность;
- высокий уровень стратегического мышления, обеспечивающий умение видеть результат в краткосрочной перспективе;
- профессиональная гибкость в условиях меняющихся рыночных отношений;
- навыки командообразования;
- высокий уровень профессиональной и коммуникативной культуры;
- стрессоустойчивость к вызовам современного профессионального образования [2, с. 113];
- лидерские качества, управленческие навыки, способность к инженерному проектированию.

В. Ю. Турагин выделяет основные качества в портрете современного выпускника высшей школы. К ним он относит:

- 1) общегражданские качества – патриотизм, активную гражданскую позицию, гражданско-патриотическую компетентность, правовую компетентность личности;
- 2) духовно-нравственные качества – гуманность, эмпатию, способность к сопереживанию, альтруизм;
- 3) профессиональные качества – профессиональную компетентность, профессиональное самосознание, высокий уровень профессиональной культуры;
- 4) интеллектуальные качества – аналитические способности, высокий уровень эрудиции, широкий кругозор, начитанность, критическое мышление;
- 5) деловые качества – дисциплинированность, высокий уровень деловой культуры, способность к межкультурной коммуникации, воспитанность, интеллигентность;
- 6) организационно-волевые качества – самоорганизация, трудолюбие, самостоятельность [7,

с. 247].

Таким образом, современный выпускник инженерных направлений подготовки должен обладать академической мобильностью, высоким уровнем жизненной и профессиональной мотивации, социальной активностью и направленностью, высоким уровнем интеллектуального потенциала, лидерскими качествами, ответственностью, креативностью и высоким уровнем экономической мобильности.

Проанализировав требования к современному инженерному образованию и основным качествам выпускников по инженерным направлениям подготовки, перейдем к рассмотрению специфики проектного подхода в инженерном образовании России и Таджикистана.

Под проектным подходом мы понимаем совокупность способов, методов и принципов, направленных на формирование у выпускников инженерных направлений знаний, умений и опыта осуществления проектной деятельности. Рассмотрим специфику проектного подхода применительно к инженерному образованию.

Целями проектного подхода являются формирование у будущих инженеров:

- навыков командообразования в профессиональной деятельности;
- умений грамотного использования методического инструментария проектной деятельности;
- представлений о системе самоорганизации, о нормах и правилах поведения на новых этапах работы;

– навыков коллективной проектной деятельности и решения проблемных ситуаций, возникающих в процессе этой деятельности.

Данные цели возможно реализовать помощью решения конкретных задач:

- формировать профессиональную направленность личности будущего инженера;
- способствовать самоутверждению и адаптации специалистов инженерного уровня в современном мире;
- формировать систему интеллектуальных, общетрудовых и специальных компетенций будущих инженеров;
- формировать коммуникативную культуру и высокий уровень профессионального взаимодействия;
- создавать новые интеллектуальные продукты-достижения современной инженерной мысли;
- проектировать новые методы и формы деятельности, востребованные в современном инженерном образовании [6, с. 23].

Проектный подход реализуется при организации проектного обучения. Под проектным обучением мы понимаем целенаправленно организованную систему учебно-профессиональной деятельности, при которой студенты овладевают ключевыми компетенциями в процессе самостоятельного выполнения постепенно усложняющихся практико-ориентированных заданий-проектов, в основе которых лежат реальные производственные проблемы.

Поскольку образовательные системы в России, и Таджикистана формировались примерно в один и тот же исторический период под воздействием идентичных социокультурных факторов, то можно констатировать, что инженерное образование в этих странах и на сегодняшний день имеет много сходных характеристик.

Для формирования полного представления по данному вопросу рассмотрим отдельные вехи в развитии инженерного образования Таджикистана. Советская власть упразднила старую систему образования (мактабы – начальные школы при мечетях и медресе – высшие богословские школы в крупных городах) и ввела новые школы европейского образца. Проблема подготовки инженерных кадров решалась посредством организации инженерных курсов и создания техникумов, а также подготовки преподавательских кадров технического профиля Таджикским институтом просвещения в г. Ташкент и Технологическими институтами, открытыми в г. Сталинабаде и г. Худжанде. В дальнейшем инженерное образование в республике развивалось под воздействием советской инженерной мысли, так как в этот период многие выпускники и работники технических вузов крупных городов России массово уезжали в г. Сталинабад и г. Ленинабад. К середине 50-х годов 20 века в республике имелись 28 техникумов и были образованы новые высшие учебные заведения. Наряду с традиционными учебными учреждениями, в сфере образования начали создаваться школы нового типа и частные гимназии технического профиля. В 2011 г. в республике функционировало 76 гимназий и 55 лицеев с общим количеством учащихся более 55 тыс.

Существенное отличие инженерного образования России заключается в его большей

ориентированности на конкретные промышленные производства, число которых в республике Таджикистан значительно меньше, чем в Российской Федерации [5, с. 125].

При изучении возможностей проектного подхода в инженерном образовании России и Таджикистана считаем необходимым обратиться к европейскому опыту использования данного подхода в современном инженерном образовании. И, прежде всего, обратить внимание на европейские стандарты, в которых используются известные проектно-ориентированные технологии, одной из которых является известная система европейского проектного образования Project-led education (PLE), целью которой является формирование навыков командной деятельности, изучения и решения крупномасштабных и комплексных профессиональных задач в условиях острой профессиональной значимости. Специфика данного метода заключается в следующем:

- 1) приобретение знаний представляет собой процесс построения знаний, в которых предварительное знание включает в себя систему отсчета для интерпретации нового знания;
- 2) обучение включает взаимодействие с другими субъектами образовательной среды;
- 3) на формирование знаний положительно влияют метапознавательные навыки, такие как, умение планировать, контролировать и оценивать свой процесс обучения;
- 4) важно, чтобы обучение протекало в контексте, близком к будущей профессиональной деятельности;
- 5) PLE основывается на групповой (командной) студенческой деятельности, включающей обучение и решение крупномасштабных открытых проектов; каждый проект обычно поддерживается несколькими теоретическими курсами лекций, объединенными тематической единицей учебного плана;
- б) команда студентов занимается проектом, предоставляет решение и изготавливает к утвержденному сроку определенный командный продукт (прототип или отчет);
- 7) подлинность профессионального контекста [8, с. 480].

Другой распространенный проектный метод в европейском инженерном образовании – «Европейский проектный семестр» European Project Semester (EPS), который зарекомендовал себя в таких странах, как Дания, Нидерланды, Норвегия, Польша, Германия, Франция, Финляндия, Бельгия, Португалия и Испания. Основная идея EPS в том, чтобы организовать студентов для работы в международных командах. Эта инициатива готовит студентов к деятельности в условиях глобальной кооперации и к выполнению сложных, в том числе нетехнических задач. Как правило, проект длится в течение 15 недель и приносит участвующим в нем студентам минимум 30 ECTS (европейских кредитов). EPS задолго до начала семестра у представителей бизнеса собирают заявки на проекты, которые затем предлагаются как варианты вузам-участникам и в конечном счете студентам, которые учатся по этой программе [9, с. 93].

Проектно-ориентированное образование (Project Based Education) связано с проектами, типичными для данной профессии, и предполагает научное руководство работой проектной группы, постановку ситуационных вопросов, ориентирующих студентов на личностное развитие; приоритет заданий, способствующих развитию мышления; учет мнения работодателей.

Наконец, еще одним европейским методом проектно-ориентированного обучения в инженерном образовании является CDIO 25, основная идея которого заключается в том, что обучение возможно только тогда, когда студенты могут выстроить корреляции между отдельным практико-ориентированным заданием и конкретно поставленной производственной задачей. Контекстное обучение (CDIO-25) характеризуется следующими особенностями:

- знакомство с новыми концепциями происходит в реальных и знакомых студентам ситуациях;
- концепции в задачах и упражнениях даются в контексте их практического применения;
- новые концепции представляются студентам в системе уже известного им материала;
- в примерах описываются правдоподобные ситуации, воспринимаемые студентами как важные для их будущей профессиональной деятельности;
- учебные мероприятия способствуют применению концепций и навыков в соответствующей педагогической ситуации, подготавливая студентов к возможному будущему.

Основное концептуальное положение CDIO25 заключается в создании интегрированного учебного плана. Интегрированный учебный план – это план, построенный на взаимосвязи дисциплин, формируемых навыков в проектной деятельности и предполагающий реализацию нескольких мероприятий:

- разработку концепции учебных дисциплин на основе уровня ее востребованности на рынке современных профессий в той или иной стране;

- учет практико-ориентированного характера дисциплин с учетом возможности их применения посредством использования современных ИКТ;
- ориентацию при разработке учебных дисциплин модуля на отклик работодателей, связанных с данной профессиональной направленностью;
- сокращение кредитов за счет почти полной ликвидации лекционных занятий;
- включение в учебный план в качестве обязательного структурного компонента не менее 10 часов на самостоятельную работу студентов, связанную с выполнением их индивидуальных проектов.

Проанализировав известные европейские практики, использования проектно-ориентированной технологии в современном инженерном образовании, которые дают положительный результат в подготовке будущих инженеров, приходим к выводу о том, что в инженерном образовании в России и Таджикистана следует использовать данный опыт. Исходя из этого, мы считаем важным моментом включать в инженерное образование следующие составляющие:

- использование проектной технологии, интегрированной в качестве одного из основных элементов в образовательный процесс и структурно взаимосвязанной с другими его элементами;
- максимальное использование профессионального контекста (метаконтекста) в содержании образовательного процесса, особенно в учебно-практических проектах;
- структурное сближение образовательного процесса с будущей профессиональной деятельностью студентов;
- выделение в качестве самостоятельной образовательной задачи развития интеллектуальных, творческих и социальных компетенций студентов;
- использование командной и групповой работы.

В продолжение этой мысли обратимся к специфике использования данного подхода в системе инженерного образования МГТУ им. Г. И. Носова.

1. Проектный подход в МГТУ им. Г. И. Носова в данный момент используется больше как современная педагогическая технология, отдельные элементы которой используются при планировании и организации образовательной деятельности в вузе.

2. Элементы проектного подхода находят свое выражение в созданиях инновационных лабораторий и комплексов: физико-технического центра для одаренных детей г. Магнитогорска, действующего при МГТУ им. Г. И. Носова, кванториума, проектной школы МГТУ для абитуриентов, в которой акцент сделан на такую специфику подготовки будущих студентов-первокурсников, которая связана с их адаптацией именно к проектно-инженерной составляющей нашего вуза.

3. Проектно-ориентированное образование МГТУ им. Г. И. Носова – это полезные изобретения, модели, патенты, являющиеся результатом интеллектуальной деятельности наших студентов в рамках проектирования и защиты курсовых работ, ВКР, НКР по металлургии, материаловедению, машиностроению, горному и взрывному делу, промышленному строительству, теплотехнике и наноэлектронике.

4. Наконец, прохождение студентами практики на основном градообразующем предприятии ПАО «ММК» и других промышленных предприятиях города и области дает возможность студентам получить первый профессиональный опыт применительно к реальным условиям производственного процесса, конструируя и используя в своей деятельности готовые продукты проектной работы.

Таким образом, на сегодняшний день инженерное образование в России и Таджикистане связано с процессом формирования у выпускников инженерных направлений подготовки значимых профессиональных компетенций, необходимых для их профессионального самоопределения, высокого уровня экономической мобильности, ориентированной на лучшие европейские практики, предполагающие реализацию в образовательных системах проектного подхода, и предполагает не только высокую роль проектной технологии образования в современных образовательных системах, но и использование структурных особенностей в организации образовательных программ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вербицкая Н. О., Оринина Л. В. Анализ понятия «экономический патриотизм» в современной России: системно-феноменологический подход // *Фундаментальные исследования*. № 11 (Ч.10). 2014. С. 2248–2252.
2. Кашуба И. В. К вопросу изучения коммуникативная компетентности студентов вуза // *Современные концепции развития науки* : сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. 20 августа 2016 года. Ч. 2. Уфа : Аэтерна, 2016. С. 112–114.

3. Клинова М. В. Новый «экономический патриотизм» в Европе: хорошо забытое старое? // Мировая экономика и международные отношения. 2008. № 4. С. 32-41.
4. Орнина Л. В. Экономическая активность учащейся молодежи как фактор повышения её адаптивности к меняющимся социально-экономическим условиям // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2016. № 3. С. 73–78.
5. Орнина Л. В. Перспективы формирования экономического патриотизма у студентов технического университета в условиях новых профессиональных стандартов // Современные концепции развития науки: сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. 20 августа 2016 года. Ч. 2. Уфа : Аэтерна, 2016. С. 124–125.
6. Половинкин А. И. Стратегия перестройки инженерного образования // Современная высшая школа. 1998. № 3. С. 23.
7. Туралин В. Ю. Качества личности современного выпускника высшей школы: типология и механизмы формирования // Наука. Искусство. Культура. 2015. № 2 (6). С. 247–249.
8. Fong, P. S. W. Knowledge creation in multidisciplinary project teams: An empirical study of the processes and their dynamic interrelationships. *International Journal of Project Management*, 2003, 21, 479-486. doi: 10.1016/S0263-7863(03)00047-4
9. Gibbs G., & Coffey M. The impact of training of university teachers on their teaching skills, their approach to teaching and the approach to learning of their students. *Active learning in higher education*, 2004, 5(1), 87-100.

L. V. Orinina (Magnitogorsk, Russia)
C. A. Odinava (Dushanbe, Tajikistan)

OPPORTUNITIES OF THE PROJECT APPROACH IMPLEMENTATION IN ENGINEERING EDUCATION IN RUSSIA AND TAJIKISTAN

Abstract. The article is devoted to the search of effective approaches aimed at implementing the project approach in engineering education in Russia and Tajikistan.

The article deals with the issues of using modern educational technologies implemented in the structure of the project approach in European universities. The analysis of key concepts included in the structure of the project approach is presented: project, project training, design technologies; algorithm of the project approach implementation in the system of modern education in general and engineering educational practices in particular. The article also substantiates the relevance of the project-oriented technology choice in engineering education in Russia and Tajikistan in the context of the main educational paths of universities in the represented countries, as well as an element of the comparative typology of the educational systems of Russia and Tajikistan, necessitating a project approach usage in engineering education.

The article presents an analysis of the new concept – "economic patriotism of graduates, which is understood as an integrative quality of a person with faith in the better economic future of his country and the desire to work for the benefit of his native land.

In addition, the article considers the main goals of engineering education:

- developing the skills of engineering activities in the Russian Federation;
- protecting the society from the negative consequences of market relationships in the field of intellectual property;
- ensuring a favorable living environment for people and society due to the efficiency, safety, reliability and comfort of the results of engineering activities;
- creating a base for applying a complex of legal, economic, organizational and other measures of state regulation of industrial, scientific, technical and educational activities aimed at strengthening and developing the country's engineering potential;
- providing a balanced and stable development of industry, production of competitive products (approved by the Provisional Commission of the Council of the Federation on the development of the legislation of the Russian Federation on engineering activities).

Keywords: engineering education, universities in Russia and Tajikistan, project, project approach, design technologies, European practices, project training, economic patriotism.

REFERENCES

1. Verbitskaya N. O., Orinina L. V. Analiz ponyatiya «ekonomicheskii patriotizm» v sovremennoi Rossii: sistemno-fenomenologicheskii podkhod, *Fundamental'nye issledovaniya*, no.11 (vol. 10). 2014, pp. 2248–2252.
2. Kashuba I. V. K voprosu izucheniya kommunikativnaya kompetentnosti studentov vuza, *Sovremennye kontseptsii razvitiya nauki* : sb. st. mezhdunar. nauch.-prakt. konf. 20 avgusta 2016 goda, vol. 2, Ufa, Aeterna, 2016, pp. 112–114.

3. Klinova M. V. Novyi «ekonomicheskii patriotizm» v Evrope: khorosho zabytoe staroe?, Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya, 2008, no. 4, pp. 32–41.
4. Orinina L. V. Ekonomicheskaya aktivnost' uchashcheisya molodezhi kak faktor povysheniya ee adaptivnosti k menyayushchimsya sotsial'no-ekonomicheskim usloviyam, Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, 2016, no. 3, pp. 73–78.
5. Orinina L. V. Perspektivy formirovaniya ekonomicheskogo patriotizma u studentov tekhnicheskogo universiteta v usloviyakh novykh professional'nykh standartov, Sovremennye kontseptsii razvitiya nauki: sb. st. mezhdunar. nauch.-prakt. konf. 20 avgusta 2016 goda, vol. 2. Ufa, Aeterna, 2016, pp. 124–125.
6. Polovinkin A. I. Strategiya perestroiki inzhenernogo obrazovaniya, Sovremennaya vysshaya shkola, 1998, no. 3, pp. 23.
7. Turanin V. Yu. Kachestva lichnosti sovremennoogo vypusknika vysshei shkoly: tipologiya i mekhanizmy formirovaniya, Nauka. Iskusstvo. Kul'tura, 2015, no. 2 (6), pp. 247–249.
8. Fong, P. S. W. Knowledge creation in multidisciplinary project teams: An empirical study of the processes and their dynamic interrelationships. International Journal of Project Management, 2003, 21, 479-486. doi: 10.1016/S0263-7863(03)00047-4
9. Gibbs, G., & Coffey, M. The impact of training of university teachers on their teaching skills, their approach to teaching and the approach to learning of their students. Active learning in higher education, 2004, 5(1), 87-100.

Оринина Л. В., Одинаева С. А. Возможности реализации проектного подхода в инженерном образовании России и Таджикистана // Гуманитарно-педагогические исследования. 2019. Т. 3. № 4. С. 14–20.

Orinina L.V., Odinaeva S. A. Opportunities of the Project Approach Implementation in Engineering Education in Russia and Tajikistan, *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya* [Humanitarian and pedagogical Research], 2019, vol. 3, no. 4, pp. 14–20.

0,63 печ. л.

Дата поступления статьи – **09.10.2019**

Сведения об авторах

Оринина Лариса Владимировна - кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогического образования и документообращения Института гуманитарного образования ФГБОУ ВО «Магнитогорский Государственный технический университет им. Г.И. Носова», г. Магнитогорск, Россия; orinina_larisa@mail.ru

Одинаева Сафаргул Атабековна – кандидат физико-математических наук, заведующий кафедрой математического и компьютерного моделирования Таджикского национального университета, г. Душанбе, Республика Таджикистан; safa_37@mail.ru

Authors:

Larisa V. Orinina, PhD in Pedagogy, associate professor, Department of Pedagogical Education and Document Management, Institute of Humanities, Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia; orinina_larisa@mail.ru

Safargul A. Odinaeva, candidate of physical and mathematical sciences, head of the department of mathematical and computer modeling of the Tajik National University, Dushanbe, Tajikistan; safa_37@mail.ru

**«ОТСТУПНИКИ» НА СТРАНИЦАХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ:
ЮГОСЛАВИЯ КОНЦА 1940-х – НАЧАЛА 1950-х ГГ. И КНР 1970-х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ
1980-х гг. В ОТРАЖЕНИИ СОВЕТСКОЙ БЕЛЛЕТРИСТИКИ**

Аннотация. Статья посвящена сопоставлению югославской и китайской тематики, отраженной в советской художественной литературе рубежа 1940-х–1950-х и 1970-х–1980-х гг. Разрыв СССР со странами, недавно еще именуемыми «братскими», не мог не найти освещения и в художественной литературе. Специфика и продолжительность полемики в обоих случаях наложила отпечаток на количество и частоту публикаций критического характера, на степень обращения к теме в отечественной беллетристике периода двустороннего разрыва. При этом в обоих случаях несомненной была связь характера и содержания художественных произведений, обращавшихся к теме, с пропагандистским образом «стран-отступников», создававшимся отечественными СМИ и публицистикой. И в том и в другом случаях имела место интерпретация в негативном свете отдельных эпизодов истории данных стран и их компартий, резкая критика внутренней и внешней политики руководящих группировок «еретических» партий, присутствовал акцент на антисоветском характере этой политики. Последняя, как и курс руководства, не отождествлялись, однако, с народами Югославии и Китая, отделяемыми от правящих режимов. Вместе с тем и в пропагандистских установках, отраженных в советской беллетристике, обнаруживаются черты, с одной стороны, связанные как со спецификой исторического пути указанных стран, а с другой, – с уровнем развития советской балканистики и советского же китаеведения в обозначенные периоды. Последнее обстоятельство, по мнению автора, обусловило более высокий уровень критики в СССР политического курса китайского руководства в 1970-х – первой половине 1980-х гг. по сравнению с тем, что имело место в отношении Югославии поколением ранее. Рост уровня критики обнаруживается и при сопоставлении художественной литературы «периодов разрыва».

Ключевые слова: беллетристика, Китай, Югославия, разрыв, титоизм, маоизм

Эпоха информационных войн не может не обусловить актуальности исторического опыта пропагандистских баталий прошлого, как далекого от нас, так и совсем недавнего. В идеологических битвах периода «холодной войны» особое место принадлежит массированным кампаниям, проводившимся в странах «социалистического лагеря» и направленным своим острием против других стран, ранее причислявшихся к тому же лагерю, но в дальнейшем отлученным от него формально и / или фактически. Несомненный интерес здесь вызывает опыт двусторонней «бумажной войны» СССР против недавних своих союзников – Югославии рубежа 1940-х–1950-х гг., Албании начала 1960-х гг. и КНР 1960-х – середины 1980-х гг. Следует оговориться, что советско-албанская полемика в большей степени, во всяком случае, со стороны Москвы носила вторичный характер: в завуалированной форме она отражала разногласия между СССР и КНР, КПСС и КПК. Когда разногласия с Пекином стало уже невозможно маскировать, албанский фактор утратил свое значение для советского руководства. Напротив, проводимые в СССР пропагандистские акции против ФНРЮ и КНР (как и антисоветские акции в этих странах) были вполне «самостоятельны», «первичны» и не вуалировали каких-либо разногласий Советского Союза с третьими государствами. Поэтому представляется интересным сопоставить антититовскую кампанию в позднесталинском СССР с антимаоистской шумихой в Советском Союзе позднехрущевского и особенно брежневского периодов.

Учитывая чрезвычайную сложность и многогранность проблемы, в рамках настоящей статьи предполагается сопоставить отражения данных кампаний только в отечественной художественной литературе конца 1940-х – начала 1950-х гг., а также соответственно первой половины 1980-х гг. Заранее уточним, что речь пойдет лишь о прозаических произведениях.

Обозначенная проблема освещена в отечественной историографии совершенно недостаточно: применительно к Югославии лишь С. А. Романенко остановился на роли советской художественной литературы и киноискусства в антититовской пропаганде конца 1940-х – начала 1950-х гг. [13, с. 488–490, 494–500]; художественная же литература антимаоистской направленности пока еще специально не анализировалась, несмотря на интерес к проблеме восприятия Китая в нашей стране. Так, А. В. Лукин уделил внимание восприятию маоистского Китая и маоизма в СССР 1960-х–1980-х гг., но отражение соответствующей тематики в советской беллетристике заняло в исследовании этого автора немного места: анализируются главным образом отклики советской поэзии на пограничные

столкновения 1969 г. [9, с. 248–250].

Между тем, в соответствии с принципом «партийности» советская художественная литература не могла стоять в стороне от пропагандистской битвы с «предателями», отступившими от «единолично верного учения». И поэзия, и проза активно использовались для обработки массового сознания в угодном власти направлении. При этом литераторами поднимался довольно широкий круг вопросов, находивших отражение и на страницах советской периодики [13, с. 484, 490–492, 498–502].

С момента начала открытой «бумажной войны» в первом случае (между СССР и ФНРЮ), как и во втором (между СССР и КНР), граждане Советского Союза не могли не задуматься о причинах столь быстрого перерождения вчера еще дружественных Москве государств во враждебные, а в югославском варианте – в «фашистское». В китайском варианте на этот вопрос развернуто писала советская пресса вкуче с публицистикой и кинопропагандой. В художественной литературе данный вопрос лишь фрагментарно находил отражение. К нему отчасти обратился М. И. Демиденко в своей повести «За великой стеной»¹ (1978). Глазами героя, советского технического специалиста, работавшего в Китае в 1950-е гг., он рассматривает постепенное нарастание антисоветских настроений в КНР накануне и особенно во время «большого скачка», отмечает прогрессирующее ухудшение положения советских специалистов (и отношения к ним) в сочетании с ростом пренебрежения к их рекомендациям. Обозначены автором и пропаганда национализма среди китайцев, и более чем снисходительное отношение к буржуазии, разделявшей с частью руководства КПК как националистические идеи, так и антисоветизм². Вопрос о причинах сильных националистических (и антисоветских) настроений в КПК в повести М. И. Демиденко не затронут – он упомянут только в предисловии к книге³, которое написано Л. С. Кюзаджаном – видным советским синологом, автором монографии об идеологических кампаниях, проходивших в КНР до «культурной революции» [8].

Напротив, в случае с Югославией советские писатели в меру своих сил подключились к ответу на вопрос о причинах разрыва между Белградом и Москвой. Здесь имело место обращение к истории югославской компартии и, в полном соответствии с представлениями сталинской эпохи, указывалось на засоренность ее рядов троцкистами, на проникновение в ее руководство «двурушников», до поры до времени скрывавших свои замыслы. Утверждалось, что вынужденные возглавить народно-освободительную борьбу Тито и его единомышленники не только саботировали на деле антифашистское Сопротивление, но и под разными предлогами истребляли верных друзей с СССР и ВКП(б) югославских коммунистов, намеренно направляли их на наиболее опасные участки или же просто сдавали оккупантам и коллаборационистам. Более того, окружение Тито и он сам обвинялись в сотрудничестве с прежней югославской королевской охранкой, а также с секретными службами империалистических государств, в т. ч. и гитлеровской Германии. Об этом постоянно заходит речь на страницах «Югославской трагедии» (1952) О. М. Мальцева – наиболее значительного произведения на антиитовскую тематику в советской художественной литературе времен разрыва Москвы с Белградом⁴. В этом романе, как и в «Заговорщиках» (1951) Н. Н. Шпанова, в соответствующем ключе поданы контакты «группы Тито» с союзниками в военные годы; заодно упомянуты и закулисные переговоры титовцев с нацистами и их пособниками. Нельзя сказать, что последнее было сплошным вымыслом – много лет спустя и отечественная, и зарубежная историография признали, что И. Б. Тито действительно пытался вести переговоры с гитлеровским командованием и устахами и даже подумывал весной 1943 г. о тактическом временном союзе с ними, направленном против итальянских оккупантов и фактически опекаемых ими четников Драже Михайловича. Неверно, однако, утверждение исследователя Р. Уэста о неосведомленности по данному вопросу советского руководства – оно было в курсе титовских маневров и весьма нервно на них реагировало [14, с. 186–192]. Естественно, в первые послевоенные годы об этих маневрах в Советском Союзе умалчивали, но после разрыва о них «вспомнили» и надлежащим образом подали их, в т. ч. в художественной литературе. Обыгрывая данную тему, Н. Н. Шпанов писал, что Тито в конце концов предпочел «переметнуться» на сторону США⁵.

Отчасти сходным образом трактовались в Советском Союзе с конца 1960-х гг. причины и начало «отступничества» КПК. Здесь, как правило, не заострялся вопрос о троцкистском влиянии на КПК,

¹ Демиденко М. И. За великой стеной. М. : Молодая гвардия, 1978. 319 с.

² Демиденко М. И. Указ. соч. С. 61–63, 67–68, 71–72, 82–86, 92–98

³ Там же. С. 13–26.

⁴ Мальцев О. М. Югославская трагедия. М. : Воениздат, 1952. С. 219–232.

⁵ Шпанов Н. Заговорщики. Кн. 2. Перед расплатой. Челябинск : Челябинское книжное изд-во, 1953. С. 347–349.

и авторы антимаоистских публикаций 1970-х – начала 1980-х гг., говоря о годах Второй мировой войны, никогда не именовали яньаньское руководство КПК «империалистическими» (в т. ч. японскими) агентами. Не инкриминировалась ему и связь с гоминьдановской тайной полицией – определенное исключение в этом отношении составлял лишь Кан Шэн, многолетний фактический шеф маоцзэдуновской службы безопасности [3, с. 35, 39–48]. Но генезису маоизма, как и анализу его идеологии, внимание уделялось в исследовательской и публицистической, отчасти и в мемуарной [4] литературе. Советская художественная литература, как мы уже говорили, не обращалась к соответствующим сюжетам. Иначе обстояло дело с югославским конфликтом – в публикациях конца 1940-х – начала 1950-х гг. идеология титоизма не анализировалась вообще, но именно в художественной (!) литературе на нее глухо намекалось как на своеобразный «национальный социализм», причем заострялось внимание на созвучности данного термина названию гитлеровской партии⁶. В качестве «теоретиков» указывались М. Джилас, «аттестованный» писателем О. М. Мальцевым как возможный в будущем «югославский Геббельс», и М. Пьяде. Характеристика последнего, исходящая от западных союзников, во многом перекликается в романе с тем, что спустя 15–30 лет в СССР будут говорить и писать об идеях Мао, причем используя отчасти самооценки «великого кормчего» и его приверженцев [10, с. 41–53]: *«Его [Пьяде – А. Д.] попытки «обогащать» и «углубить» марксизм достойны поощрения. Он способен любое нужное нам [западным державам – А. Д.] дело выдать за шаг вперед в развитии коммунистической доктрины. Правда, сам он карлик, и его философия не поднимается на более высокий уровень от того, что он ходит на высоких каблуках. Но, несмотря на это, вернее, благодаря этому, Пьяде как агитатор и пропагандист – истинная находка для Тито»*⁷.

При этом ни И. Б. Тито, ни его окружению, в отличие от Мао, двумя-тремя десятилетиями спустя не инкриминировалось незнание марксизма как такового – антимарксистским признавалось само их мировоззрение.

В отличие от антимаоистских публикаций, в антититовской публицистике, как и в художественной литературе, ничего не говорилось и об исторических корнях титоизма, обусловленных своеобразной историей страны и давней традицией национализма: с учетом специфики Югославии как многонационального государства, ни один народ которого не составлял абсолютного большинства населения и не считался преобладающим, это было невозможно сделать.

Отметим и еще одно существенное отличие антититовских публикаций времен позднего сталинизма от позднейших публикаций антимаоистского характера. В последних, начиная с конца 1960-х гг., большое внимание уделялось не столько теории, сколько практике «великодержавного шовинизма» в исполнении «группы Мао»; и соответствующим образом бичевалась политика лидеров КНР в отношении неханьских народностей страны [2; 12]. Данная тема находила отражение и в советской художественной литературе. Так, в романе Х. М. Абдулина «Под небом Турфана» (1964, впоследствии дополнялся) показаны тяжелое положение уйгуров, коренного населения Синьцзяна в КНР, и их борьба против дискриминационной политики маоистов. В романе показан и массовый исход уйгуров в СССР в 1962 г., и их сопротивление жесткой ассимиляторской политике пекинского руководства периода «культурной революции»⁸. Регион Синьцзян автор называет *угнетенной Уйгурией*⁹. Напротив, в работах, обличавших белградскую политику рубежа 1940-х–1950-х гг., подобные мотивы отсутствовали. В антититовской литературе 1948–1953 гг. не критиковались пороки национально-государственного устройства Югославии, как и попытки Тито создать единую югославскую нацию.

Отсутствие в советской литературе данных сюжетов в качестве тем для осуждения легко объясняется несомненным сходством формы государственного устройства в СССР и ФНРЮ; наличием в их составе национальных образований, аналогичным отношением правителей обеих стран к любому этническому национализму; идентичностью их стремления к созданию наднациональных общностей – советского народа и югославской нации. Все это радикально отличалось от национальной политики руководства КНР и, напротив, свидетельствовало о близости как форм государственного устройства СССР и Югославии, так и взглядов И. В. Сталина и И. Б. Тито на пути решения национального вопроса в полиэтническом образовании.

Характеристикам личности руководителей ФНРЮ и КНР уделялось существенное внимание как в публицистической, так и в художественной (применительно к Югославии) литературе. В отно-

⁶Мальцев О. М. Указ. соч. С. 414–415.

⁷Там же. С. 219.

⁸Абдуллин Х. М. Под небом Турфана // Абдулин Х. М. По древним тропам / пер. с уйгурского. М. : Советский писатель, 1981. С. 4–232

⁹Там же. С. 232.

шении Тито и Мао обращалось внимание на их непомерное властолюбие, тщеславие, неразборчивость в средствах, беспринципность, жестокость¹⁰. Применительно к И. Б. Тито указывалось также на его пристрастие к роскоши¹¹, что вполне соответствовало истине: о том же писал порвавший в дальнейшем с диктатором М. Джилас, усердно обличаемый в советской антититовской публицистике и беллетристике середины XX в. [5, с. 108–121, 128–135].

В антититовской и антимаоистской литературе большое внимание уделялось осуждению внешней политики Белграда конца 1940-х – начала 1950-х гг. и Пекина два-три десятилетия спустя. Первая политика трактовалась как проимпериалистическая, безусловно, враждебная Советскому Союзу и странам «народной демократии»; югославский диктатор бичевался за вмешательство во внутренние дела соответствующих стран, организацию провокаций на границах с ними, экспансионистские амбиции. В качестве доказательств в публицистике и беллетристике обыкновенно использовались ссылки на материалы судебных процессов, проведенных в восточноевропейских странах над тамошними коммунистическими деятелями, ставшими негодными Москве. Одновременно указывалось, что югославское руководство, стремясь низвергнуть существующие в Болгарии, Албании, Венгрии, Румынии, Польше и Чехословакии режимы, действует не только и не столько исходя из собственных великодержавных устремлений, сколько во исполнение требований западных держав. Тито и его окружение безоговорочно клеймились при этом как агенты и марионетки международного (главным образом англо-американского) империализма, покорные исполнители его воли. Отражение этого находим и в художественной литературе тех лет¹², и в кинематографе (фильм М. К. Калатозова «Заговор обреченных»). Так, в «Заговорщиках» Н. Н. Шпанова, в полном соответствии с тогдашней официальной версией, Тито приписывалась организация так называемого заговора Л. Райка, после «разоблачения» которого был подвергнут репрессиям ряд деятелей, негодных коммунистическому правителю Венгрии тех лет М. Ракоши. В число гонимых попал сам Л. Райк, возглавлявший одно время министерство иностранных, а затем и внутренних дел страны. Заодно Тито приписывались планы организации интервенции в Венгрию для поддержки заговорщиков, а также «исправления» венгеро-югославской границы¹³. При этом, однако, не заострялось внимание на территориальных разногласиях между странами Восточной Европы, хотя отношения между Будапештом и Белградом были отягощены наследием прошлого, а амбиции Тито могли дополнительно усугубить положение [11, с. 214–215].

Точно так же и внешняя политика маоистов бичевалась не только в публицистике, но и в художественной литературе и в кинематографии СССР – достаточно назвать в качестве примера детективы Ю. С. Семенова «Бомба для председателя»¹⁴ (1970) и «ТАСС уполномочен заявить...»¹⁵ (1979), по которым во второй половине 1970-х – середине 1980-х гг. были сняты художественные кинофильмы¹⁶. Но здесь критика была более конкретной и глубокой. В 1960-х гг. подчеркивался ультралевый настрой внешней политики КНР; одновременно говорилось, что курс Пекина на раскол международного коммунистического и национально-освободительного движения объективно выгоден империализму, отвечает его интересам. Отмечалось и сотрудничество в ряде случаев китайских правящих кругов с «империалистическими силами», определенное совпадение позиций обеих сторон по ряду вопросов. В «Бомбе для председателя» (1970) прозрачно намекалось на сотрудничество маоистов с неофашистами, на симпатии Пекина к западногерманским реваншистам и взаимный характер этих симпатий. Более того, Ю. С. Семенов намекал¹⁷ и на причастность западногерманских монополий к созданию термоядерного оружия в КНР. Однако о вполне реальном содействии СССР китайской ядерной программе [7, с. 192–197], естественно, умалчивалось.

В 1970-х–1980-х гг., когда внешнеполитический курс пекинских лидеров существенно сдвинулся вправо, советские публицисты заговорили о Пекине как резерве, а затем и фактическом союзнике

¹⁰ Мальцев О. М. Указ. соч. С. 223–232.

¹¹ Там же. С. 225.

¹² Шпанов Н. Н. Указ. соч. С. 397–404.

¹³ Там же.

¹⁴ Семенов, Ю. Испанский вариант. Семнадцать мгновений весны. Бомба для председателя. Кишинев: Изд-во Картя Молдовеняскэ. 1979. 735 с.

¹⁵ Семенов Ю.С. ТАСС уполномочен заявить... М.: Советская Россия. 1979. 304 с.

¹⁶ Жизнь и смерть Фердинанда Люса [Кинофильм] / реж.А. Бобровский. СССР, Мосфильм; при содействии DEFA (ГДР), Barrandov Studio (Чехословакия), Allianz Film (Западный Берлин), Atelier 41(Япония). 1976; ТАСС уполномочен заявить... [Телесериал]: В 10 сер. / реж. В. Фокин. СССР, Киностудия им. М. Горького. 1984.

¹⁷ Семенов Ю. С. 1979. С. 412–413, 432, 496, 568–569, 615–616, 625–629, 648–653, 672–675, 678–680, 700–702.

империализма [1, с. 312–318]. В еще большей мере, нежели прежде, обличались гегемонистские устремления Пекина, особенно в Африке, о чем идет речь в романе «ТАСС уполномочен заявить...», и Юго-Восточной Азии. Применительно к последней в наибольшей степени это проявилось в конце 1970-х гг., когда резко обострились и дошли до военного противостояния китайско-вьетнамские отношения. Осуждалось вмешательство руководства КНР во внутренние дела ряда стран «третьего мира», попытки использовать в своих интересах разного рода «раскольничьи группировки» в коммунистическом и национально-освободительном движении. Интересно, что в советской прозе критика подобного рода звучала и тогда, когда антимаоистская кампания в СССР уже сворачивалась – так, М. Г. Домогацких резко осудил за двурушничество поведение китайского руководства во время агрессии США во Вьетнаме в своих романах, вышедших уже в середине 1980-х гг. Показательно, что эта критика вошла и в сокращенные, журнальные публикации его романов¹⁸. Но агрессия Пекина против СРВ в феврале-марте 1979 г., вызвавшая в СССР широкий резонанс [6], не успела найти отражения в советской беллетристике. Следует отметить при этом, что, в отличие от «Югославской трагедии», представители маоистского лагеря в советской художественной литературе 1970-х–1980-х гг. вовсе не подавались как простые марионетки США; не говорилось и об идентичности интересов Вашингтона и Пекина в «третьем мире». Речь шла исключительно об их тактическом партнерстве в целях противодействия Советскому Союзу и его политике в соответствующих странах.

Своеобразным направлением антимаоистской пропаганды в Советском Союзе 1970-х – начала 1980-х гг., отраженным художественной литературой, но по объективным причинам не имевшим никаких аналогов в антиитовской пропаганде, стало указание на использование Пекином в своих интересах зарубежных китайцев – хуацяо, а также на попытки лидеров КНР превратить хуацяо в свою «пятую колонну» в других странах. Особый всплеск интереса к данной теме наблюдался в 1978–1979 гг., когда проблема этнических китайцев во Вьетнаме резко обострилась и спровоцировала острейший кризис в отношениях между Пекином и Ханоем. О планах КНР использовать хуацяо в своих интересах идет речь в романе А. М. Левина «Желтый дракон Цзяо» (1980)¹⁹. Здесь упоминается «маоистское подполье» в Малайзии и Сингапуре и подчеркиваются усилия Пекина по превращению последнего во «второй» или «третий Китай» с учетом подавляющего преобладания ханьцев в населении города-государства. Устами одного из героев романа, журналиста Исмаила Азамаха, проводится аналогия между усилиями такого рода и политикой гитлеровской Германии в отношении «фольксдойчей», зарубежных немцев²⁰.

Авторы художественных произведений особо обличали игнорирование руководством КНР классового подхода при взаимоотношениях с зарубежными китайцами, как, впрочем, и с национальной буржуазией внутри страны. Эту тему поднимали в своих произведениях детективного характера М. И. Демиденко и А. М. Левин²¹. Авторы указывали, что Пекин вполне удовлетворен сохранением (по состоянию на 1970-е гг.) колониального статуса Гонконга и Макао в силу теснейших связей с тамошней буржуазией, а также вследствие получения из этих административных районов громадного количества валюты. Главный отрицательный персонаж романа А. М. Левина, один из руководителей китайской мафии в Сингапуре, образно именует данные пункты *бесценными камнями, инкрустированными в медную оправу народного Китая*²². Заметим, что поколением ранее при осуждении режима Тито советская пропаганда избегала говорить об отношении властей ФНРЮ к югославской буржуазии и прочим «нетрудящимся элементам» – как раз конец 1940-х – начало 1950-х гг. отмечены были в Югославии эскалацией «социалистических преобразований» в варианте, весьма близком к сталинскому; а либерализация экономической (и социальной) политики в ФНРЮ наступила позднее, уже после окончания конфронтации с Советским Союзом.

В связи с указаниями в советской детективной литературе 1970-х гг. на подрывную деятельность хуацяо в странах их проживания в печати поднимался и вопрос о связях между руководством КНР и китайской мафией. В упомянутом романе «Желтый дракон Цзяо» речь шла о взаимодействии восточноазиатских «триад» с пекинским руководством²³; на это же намекалось в повести

¹⁸ Домогацких М. Г. Южнее реки Бенхай. Политический роман // Роман-газета. 1984. № 1 (983). С. 17–18, 27–28, 90; Домогацких М. Г. Последний штурм. Политический роман // Роман-газета. 1985. № 5 (1011). С. 3–4, 46–47, 50–51, 52–54, 62.

¹⁹ Левин А. М. Желтый дракон Цзяо. М. : Советская Россия, 1980. 288 с

²⁰ Левин А. М. Указ. соч. С. 190–191.

²¹ Демиденко М. И. Указ. соч. С. 66–68, 254; Левин А. М. Указ. соч. С. 190–194, 214–215.

²² Левин А. М. Указ. соч. С. 214.

²³ Левин А. М. Указ. соч. С. 190–194.

М. И. Демиденко «Дневник пройдохи Ке»²⁴. В обоих произведениях КНР прямо обвинялась в причастности к наркоторговле²⁵. Показательно, что А. М. Левин оперировал фактами, почерпнутыми из советской периодики, но позже, в условиях начинающейся нормализации советско-китайских отношений во второй половине 1980-х гг., в специальной, переведенной на русский язык работе о наркомафии в Юго-Восточной Азии обвинения Пекина в причастности к тамошней наркоторговле фактически были дезавуированы [15, с. 301].

Подводя итоги, необходимо констатировать не только бесспорное сходство, но и несомненные различия в антититовской и антимаоистской пропагандистских кампаниях в СССР 1940-х–1980-х гг. развернутых на страницах советской беллетристики. Литературные произведения, романы и повести, обращавшиеся к соответствующей тематике, были представлены часто в форме дневниковых записей лирических героев («Югославская трагедия», «Дневник пройдохи Ке») или воспоминаний («За великой стеной»). Многие прозаические произведения выдержаны в жанре детективов (произведения Ю. С. Семенова, повесть «Дневник пройдохи Ке» М. И. Демиденко, роман «Желтый дракон Цзяо» А. М. Левина, отчасти и роман «Заговорщики» Н. Н. Шпанова). Живой язык, присущий эти произведения, занимательная форма повествования предопределили интерес к ним читающей публики, что объективно благоприятствовало формированию удобного власти восприятия идеологических противников в массовом сознании. Заметно также сходство в источниковом базе произведений – в основе ее лежали газетно-журнальные публикации и труды публицистического характера. В основном речь шла об источниках отечественного происхождения, но некоторые авторы, писавшие по антимаоистской тематике, могли использовать зарубежную прессу и мемуарику – это прослеживается, например, в романах М. Г. Домогацких, профессионального журналиста-международника.

Говоря о содержательной стороне произведений, к сходству при подаче образа «отступников-еретиков» относился характер обвинений в их адрес: им инкриминировались беспринципность, националистический уклон, отступничество от марксизма, предательство дела коммунизма и союза с СССР, сговор с империализмом, подрывная деятельность против Москвы и ее союзников. В обоих рассматриваемых в статье случаях имели место, пусть и в разной мере, попытки проследить генезис обличаемого отступничества и его причины; четко проводилось различие между правящей группировкой и широкими народными массами в Югославии и Китае. При этом в публицистике, но не в художественной литературе подчас допускалось и преувеличение оппозиционных настроений в Югославии конца 1940-х – начала 1950-х гг. и, в меньшей степени, в КНР 1960-х – начала 1980-х гг.

Различия касались расстановки акцентов при выдвижении обвинений, пунктов «обвинительных заключений», отчасти и тональности обличительного пафоса. Разница в наборе обвинений во многом была обусловлена специфическими условиями культурно-исторического развития Югославии и Китая, уровнем исследований, влиявших на советскую беллетристику, степенью компетентности авторов. Так, в случае с КНР критиковались и те аспекты идеологии и политики, аналога которым не было в югославском варианте (давние традиции китаецентризма, фактически сохраняемые и культивируемые маоцзэдуновским руководством, китайский трайбализм, стремление Пекина использовать в своих интересах хуацяо и состоящие из них организованные преступные группировки). Вместе с тем для антимаоистской публицистики характерны были гораздо более глубокий и всесторонний анализ рассматриваемого явления, стремление избегать упрощенных оценок и легковесных выводов (к примеру, пекинское руководство и в художественной литературе никогда не выдавалось за американского сателлита); сказывалось и то, что, в отличие от титовской Югославии, не было открытого исключения Китая из списка социалистических стран. Кроме того, нужно принимать во внимание различный уровень советской балканистики середины XX в., с одной стороны, и отечественной синологии последней трети XX в., с другой. Если антититовские работы публицистического характера конца 1940-х – начала 1950-х гг. писались, как правило, лицами, очень далекими от проблем славяноведения и балканистики, да и положение дел в советском славяноведении после пресловутого «дела славистов» 1933–1934 гг. оставляло желать лучшего [13, 506–508]; то авторами популярных антимаоистских работ часто выступали профессиональные синологи, притом что уровень развития китаеведения в СССР второй половины XX в. был весьма высоким, что влияло на качество советской беллетристики: советская проза 1960-х–1980-х гг., поднимавшая антимаоистские сюжеты, обычно была гораздо основательнее, чем пресловутая «Югославская трагедия». И сами авторы, писавшие о китайском «отступничестве», в целом были более компетентны в синологии, чем, к примеру, О. М. Мальцев и

²⁴ Демиденко М.И. Дневник пройдохи Ке. Л.: Лениздат, 1976. С. 249, 254.

²⁵ Там же. С. 249-255; Левин А.М. Указ. соч. С. 193-194.

Н. Н. Шпанов – в югославистике. Такие авторы, как М. Г. Домогацких и Ю. С. Семенов сами были профессиональными ориенталистами и могли судить о Китае и китайцах основательно, аргументировано, с хорошим знанием дела. Мы считаем, что высокий публицистический и отчасти художественный уровень советской антимаоистской литературы 1960-х–1980-х гг., включая беллетристику, во многом обусловил эффективность советской пропаганды на «китайском направлении» в указанный период.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борисов О. Б. Внутренняя и внешняя политика Китая в 70-е годы. Политический очерк. М. : Политиздат, 1982. 384 с.
2. Великодержавная политика маоистов в национальных районах КНР / под ред. М. И. Сладковского (отв. ред.) и др. М. : Политиздат, 1975. 126 с.
3. Владимиров О. Е., Рязанцев В. И. Страницы политической биографии Мао Цзэдуна. М. : Политиздат, 1969. 80 с.
4. Владимиров П. П. Особый район Китая 1942–1945 гг. М. : АПН, 1974. 655 с.
5. Джилас М. Тито: мой друг и мой враг. Париж : Лев, 1982. 223 с.
6. Дорожкин А. Г., Переверзев В. В. Первые «социалистические войны» в отражении советской периодической печати // Проблемы истории, филологии, культуры. Москва-Магнитогорск-Новосибирск. 2012. № 1. С. 236–254.
7. История Китая с древнейших времен до начала XXI века. Т. VIII / отв. ред. Ю. М. Галенович. М. : Наука, 2017. 822 с.
8. Кюзаджян Л. С. Идеологические кампании в КНР (1949–1966). М. ; Наука, 1970. 239 с.
9. Лукин А. В. Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII–XXI веках. М. : АСТ; Восток–Запад, 2007. 598 с.
10. Маоизм без прикрас. Некоторые уже известные, а также ранее не опубликованные в китайской печати высказывания Мао Цзэдуна. М. : Прогресс, 1980. 286 с.
11. Москва и Восточная Европа. Советско-югославский конфликт и страны советского блока. 1948–1953 гг. Очерки истории / под ред. А. С. Аникеев. М.; Спб. : Нестор-История, 2017. 432 с.
12. Рахимов Т. Р. Национализм и шовинизм – основа политики группы Мао Цзэ-дуна. М. : Мысль, 1968. 119 с.
13. Романенко С. А. Между «пролетарским интернационализмом» и «славянским братством». Российско-югославские отношения в контексте этнополитических конфликтов в Средней Европе (начало XX века – 1991 год). М. : Литературное обозрение, 2011. 1024 с.
14. Уэст Р. Иосип Броз Тито: власть силы. Смоленск : Русич, 1997. 512 с.
15. Шнейдер Б. Золотой треугольник. Пер. с чешск. М. : Наука, Главная редакция восточной литературы, 1989. 319 с.

A. G. Dorozhkin (Magnitogorsk, Russia)

“TRAITORS” IN THE PAGES OF WORKS OF LITERATURE: YUGOSLAVIA IN THE LATE OF 1940S-EARLY 1950S AND CHINA IN THE 1970S – THE FIRST HALF OF 1980S IN THE INTERPRETATION OF THE SOVIET LITERATURE

Abstract. The article deals with the comparison of the reflection in the Soviet literature of the late of the 1940s-1950s and the 1970-1980s, respectively, of the Yugoslav and Chinese themes. The split of the USSR with the recently “fraternal” countries could not but be reflected in the literature. The specificity and duration of the controversy in both cases left an imprint on the number and frequency of publications of a critical nature, on the degree of reference to the topic in the domestic literature of the period of the bilateral split. In both cases, undoubted was the relationship of the character and content of works of the literature with propaganda image of the “countries of the apostate”, created the Soviet mass media and journalism. In both cases attended an interpretation in the negative light of individual episodes of the history of these countries and their Communist parties, sharp criticism of the domestic and foreign policy of the leading groups of “heretical” parties, of the emphasis on the anti-Soviet content of this policy; the leading groups and their political course was not identified with the people of Yugoslavia and China, separated from the ruling regimes. However, in the propaganda and the attitudes reflected in soviet literature, there were specific features associated with the specifics of both countries, the peculiarities of their historical path and with the level of development in the USSR of Balkan studies and Sinology during these periods. The latter circumstance, according to the author, resulted in a higher level of criticism in the USSR political course of Maoism in the 1970s – the first half of 1980s, in comparison with the anti-Tito propaganda a generation earlier. This is also noticeable in the comparison of literature, referring to the “years of the split”.

Keywords: literature, Yugoslavia, China, split, Titoism, Maoism

REFERENCES

1. Borisov O. B. Vnutrennyaya i vneshnyaya politika Kitaya v 70-e gody. Politicheskii ocherk, Moscow, Politizdat, 1982, 384 p.
2. Velikoderzhavnaya politika maoistov v natsional'nykh raionakh KNR / pod red. M. I. Sladkovskogo (otv. red.) i dr., Moscow, Politizdat, 1975, 126 p.
3. Vladimirov O. E., Ryazantsev V. I. Stranitsy politicheskoi biografii Mao Tszeduna, Moscow, Politizdat, 1969, 80 p.
4. Vladimirov P. P. Osobyi raion Kitaya 1942–1945 gg., Moscow, APN, 1974, 655 p.
5. Dzhilas M. Tito: moi drug i moi vrag, Parizh, Lev, 1982, 223 p.
6. Dorozhkin A. G., Pereverzev V. V. Pervye «sotsialisticheskie voyny» v otrazhenii sovetskoi periodicheskoi pechati, *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies], Moscow–Magnitogorsk–Novosibirsk, 2012, no. 1, pp. 236–254.
7. Istoriya Kitaya s drevneishikh vremen do nachala KhKh1 veka, vol. VIII / otv. red. Yu. M. Galenovich, Moscow, Nauka, 2017, 822 p.
8. Kyuzadzhyan L. S. Ideologicheskie kampanii v KNR (1949–1966). Moscow, Nauka, 1970, 239 p.
9. Lukin A. V. Medved' nablyudaet za drakonom. Obraz Kitaya v Rossii v XVII–XXI vekakh. Moscow, AST; Vostok–Zapad, 2007, 598 p.
10. Maoizm bez prikras. Nekotorye uzhe izvestnye, a takzhe ranee ne opublikovannye v kitaiskoi pechati vyskazyvaniya Mao Tszeduna, Moscow, Progress, 1980, 286 p.
11. Moskva i Vostochnaya Evropa. Sovetsko-yugoslavskii konflikt i strany sovetskogo bloka. 1948–1953 gg. Ocherki istorii / pod red. A. S. Anikeev, Moscow; Saint Petersburg, Nestor-Istoriya, 2017 p.
12. Rakhimov T. R. Natsionalizm i shovinizm – osnova politiki gruppy Mao Tsze-duna. Moscow, Mysl', 1968, 119 p.
13. Romanenko S. A. Mezhdou «proletarskim internatsionalizmom» i «slavyanskim bratstvom». Rossiisko-yugoslavskie otnosheniya v kontekste etnopoliticheskikh konfliktov v Srednei Evrope (nachalo KhKh veka – 1991 god), Moscow, Literaturnoe obozrenie, 2011, 1024 p.
14. Uest R. Iosip BrozTito: vlast' sily. Smolensk, Rusich, 1997, 512 p.
15. Shneider B. Zolotoi treugol'nik. Per. s cheshsk, Moscow, Nauka, Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury, 1989, 319 p.

Дорожкин А. Г. «Отступники» на страницах художественных произведений: Югославия конца 1940х – начала 1950х гг. и КНР 1970х – первой половины 1980х гг. в отражении советской беллетристики // Гуманитарно-педагогические исследования. 2019. Т. 3. № 4. С. 21–28.

Dorozhkin A.G. “Traitors” in the Pages of Works of Literature: Yugoslavia in the late of 1940s-early 1950s and China in the 1970s – the First half of 1980s in the Interpretation of the Soviet Literature, *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya* [Humanitarian and pedagogical Research], 2019, vol. 3, no. 4, pp. 21–28.

0,84 печ. л.

Дата поступления статьи – **20.03.2019**

Сведения об авторах

Дорожкин Андрей Геннадьевич – профессор, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Института гуманитарного образования ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова», Магнитогорск, Россия; andrew-67@mail.ru

Author:

Andrey G. Dorozhkin, Ph.D. in History, Professor, Department of World history, Institute of Humanitarian Education, Nosov Magnitogorsk State Technical University (NMSTU), Magnitogorsk, Russia; andrew-67@mail.ru

МАГНИТОГОРСК И АКАДЕМИЧЕСКАЯ НАУКА: ИЗ ФОНДОВ АРХИВА РАН

Аннотация. В статье представлена информация о хранящихся в Архиве Российской академии наук документах следующего содержания: о направлении аспирантов Института литературы, искусства и языка Коммунистической академии на строительство Магнитогорского металлургического комбината и организации поста института на комбинате в 1931 г.; о проведении декадника Коммунистической академии с чтением докладов на Урало-Кузнецком комбинате, в том числе и в г. Магнитогорске в 1933 г.; письмо инженера Ф. Я. Иванова «К вопросу создания истории Магнитогорского металлургического комбината и г. Магнитогорска. Соображения участника», направленное академику И. П. Бардину 7 июля 1958 г.; переписка преподавателя Магнитогорского педагогического института З. Ш. Зинатулиной с академиком С. А. Векшинским в 1955 г. по поводу отзыва о ее статье, рассказывающей о физике М. И. Кустовском, и о защите диссертации на тему «Лабораторные работы по физике в средних учебных заведениях России в историческом освещении». Представленная информация является небольшим штрихом к истории г. Магнитогорска и его жителей, может быть использована в образовательных и исследовательских целях.

Ключевые слова: история, Магнитогорск, документ, архив, Российская академия наук.

История г. Магнитогорска изучена достаточно полно [5], однако сохранились отдельные документы, хранящиеся в Архиве Российской академии наук, которые могли бы дополнить ее новыми сведениями. В 1920 г. по поручению Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ) Сибирское общество инженеров в Томске разработало Урало-Кузнецкий проект под руководством профессора Н. В. Гутовского [7]: намечалось создание четырех металлургических заводов у горы Магнитной. В 1923 г. в Свердловске велось проектирование Магнитогорского завода: на Магнитной горе прошли исследования и геологические работы под руководством профессора А. Н. Заварицкого [2]. В 1929 г. было принято решение о строительстве Магнитогорского металлургического комбината, который считается днем рождения города Магнитогорска.

Целью исследования являлось изучение связи Академии наук СССР и ее сотрудников с промышленными предприятиями и научными работниками – жителями г. Магнитогорска. Выявление документов проводилось по всему комплексу фондов и коллекций Архива Российской академии наук в базе данных «Учет и каталог» информационной системы «Архив РАН». Обратимся к выявленным архивным документам по истории Магнитогорска.

Пристальное внимание в России периода индустриализации к объединению производственных сил Урала и Западной Сибири привело к созданию Урало-Кузнецкого комбината (УКК), одним из главных объектов которого стало строительство Магнитогорского металлургического комбината. Примечателен тот факт, что в числе академических учреждений, которые планировали направлять своих аспирантов на строительство комбината, был Институт литературы, искусства и языка Коммунистической академии ЦИК СССР (Комакадемии). На заседании президиума директората института 22 мая 1931 г. при рассмотрении вопроса «о показе в литературе героев, которых должна знать страна» сотрудникам, выезжающим на строительство УКК, было поручено «поставить в центре работы показ героев-ударников»¹.

На расширенном заседании директората Комакадемии 12 июля 1931 г. был утвержден план работы на УКК, а также было предложено обратиться в президиум академии с просьбой о выделении институту специальных средств для командирования аспирантов². В соответствии с планом работа была включена в цикл «Социалистическая реконструкция, литература и искусство СССР». В порядке производственной практики секциями (самодеятельности, изобразительного искусства и литературы) и творческим отделением планировалось направить на строительство 5 аспирантов на 1–2 месяца. Результатом работы должна была быть книга «Искусство и литература на службе строительства Урало-Кузбасса». В результате на заседании Комакадемии 19 ноября 1931 г. было утверждено решение организовать пост Института литературы, искусства и языка на УКК в г. Магнитогорске³. Таким образом, работа аспирантов института, с одной стороны, имела созидательную направленность: в тяжелых условиях строительства, рабочие и инженеры должны были себя чувствовать героями, возво-

¹ Архив Российской академии наук (АРАН). Ф. 358. Оп. 1. Д. 107. Л. 89.

² Там же. Л. 84, 126.

³ АРАН. Ф. 358. Оп. 1. Д. 107. Л. 172.

дьящими крупнейшее металлургическое предприятие Европы. С другой стороны, их работа носила просветительский характер: многие строители не получили достаточного образования, поэтому аспиранты на примере литературы и искусства должны были заниматься учебной деятельностью, находить примеры героизма в жизни первостроителей и отражать их в новой пролетарской литературе. Представители других институтов должны были выступать с научно-популярными докладами.

На заседании бюро президиума Комакадемии 26 февраля 1932 г. было принято предложение провести выездную сессию Комакадемии и Академии наук СССР в г. Магнитогорске⁴. Ученому секретариату было поручено доработать вопрос совместно с аграрным институтом, институтами экономики, советского строительства и права, а также Ассоциацией естествознания. На заседании 23 июля 1932 г. рассматривался вопрос «о декаднике Комакадемии в районе Кузбасса»: был заслушан доклад заведующего отделом массовой работы М. Г. Резникова об организации декадника в районе УКК⁵. В проекте решения члены бюро постановили следующее: провести декадник не позднее 15 ноября 1932 г.; доклады, которые предполагалось сделать, должны были носить теоретический характер и иметь «непосредственную связь с местным материалом Урало-Кузбасса»; сократить список тем для декадника до семи; секретариату президиума поручалось обратиться с предложением в Ленинградское отделение Комакадемии (ЛОКА) об участии его институтов в декаднике; массовому отделу поручалось рассмотреть смету расходов и в случае необходимости обратиться с обоснованной заявкой на ассигнования в бюро президиума. Массовый отдел в окончательном плане проведения декадника утверждал перечень докладчиков пофамильно.

В Архиве РАН сохранилось постановление секретариата Уральского областного комитета ВКП (б) от 16 декабря 1932 г. «О проведении декадника Коммунистической академии СССР на Урале»⁶. Партийный орган обязал районные комитеты, фракции научных обществ, профсоюзов, инженерно-технических работников, комсомол широко популяризировать доклады научных работников Комакадемии и развернуть массовую работу по привлечению широких кругов партийного, профессионального и комсомольского актива на посещение этих докладов.

Был утвержден план докладов с 15 по 27 января 1933 г., в соответствии с которым в г. Магнитогорске должны были быть заслушаны доклады: «Классы и классовая борьба во второй пятилетке» (докладчик М. Б. Митин), «Положение и борьба германского пролетариата в годы кризиса» (А. М. Панкратова), «Проблемы зарплаты и производительности труда (упор на металлургию и добывающую промышленность уголь-руды)» (М. М. Кривицкий), «Пути колхозного и совхозного строительства на Урало-Кузбассе во второй пятилетке» ([без инициалов] Муллин), «Работа Советов на современном этапе (на материалах Урало-Кузбасса)» (И. А. Суворов), «Экономический кризис, империалистические противоречия, революционное движение» (Е. С. Варга), «Капиталистическое и социалистическое комбинирование. Общая проблема на примере Урало-Кузбасса» (В. Ф. Васютин).

Выступление с докладами по тематике региона было одной из форм работы самой Комакадемии и ее институтов по повышению идейно-политического уровня строителей УКК в г. Магнитогорске. Представленные документы отражают значение, которое придавалось советской властью научно-просветительской работе при возведении УКК и на других ударных стройках начала 1930-х гг.

Значительный интерес для исследователей истории советских индустриальных гигантов представляет письмо инженера Ф. Я. Иванова [4] «К вопросу создания истории Магнитогорского металлургического комбината и г. Магнитогорска. Соображения участника». Это письмо было направлено 7 июля 1958 г. академику И. П. Бардину⁷. В своем послании Ф. Я. Иванов отмечал, что опытом создания в короткий срок такого мощного металлургического предприятия интересуются строители, металлурги, экономисты, историки, писатели и другие специалисты не только в СССР, но и за его пределами. По его мнению, вопрос собирания, систематизации и серьезного анализа документов и материалов, отражавших этот опыт, имеет первостепенное историческое значение. Инженер сообщал И. П. Бардину, что в 1930-е гг. предпринималась попытка написания истории комбината, но эта группа была ликвидирована, от ее деятельности остались некоторые архивные материалы, относящиеся к периоду до 1936 г. Руководство комбината поручало Бурасу [скорее всего, речь идет о лекторе-международнике Я. М. Бурасе, ставшему в 1965 г. председателем президиума общества «Знание»

⁴ АРАН. Ф. 350. Оп. 1. Д. 589. Л. 140.

⁵ Там же. Д. 591. Л. 17.

⁶ Там же. Ф. 350. Оп. 1. Д. Л. 669. Л. 29-32.

⁷ АРАН. Ф. 661. Оп. 4. Д. 15. Л. 1-4.

в Магнитогорске, – ред.] и Пикману [возможно, упомянут В. А. Пикман, начальник отчетно-экономического отдела Магнитогорского металлургического комбината с 1937 по 1944 гг., в 1944 г. признан лучшим рабочим корреспондентом ММК – ред.] писать о комбинате и его работниках, но их труды, по мнению Ф. Я. Иванова, оказались неудачными. Вышедшие в печати книги о некоторых частных сторонах развития предприятия, оставляют, по заверениям инженера, неблагоприятное впечатление. Основной причиной неудач, по соображениям автора письма, была трудность для писателя или кого-либо другого получить отчетливое и достоверное представление о промышленном производстве, той среде, в которой действовали описываемые в книгах лица, совершались события. Личный опыт Ф. Я. Иванова, его попытки помочь писателям А. А. Фадееву и Э. Г. Казакевичу «войти в обстановку событий, происшедших в прошлом, показал, что это дело очень трудное» как для самого инженера, так и для упомянутых авторов. Магнитогорск 1958 года не мог дать, по мнению Ф. Я. Иванова, никакого представления не только о Магнитогорске 1930–1935 гг., но даже о Магнитогорске 1945 года: «Он [город] меняет свое лицо ежегодно. Меняются люди: когда прежние уходят, а новые, не знающие прошлого, приходят. Когда человек тот же, но он уже смотрит на прошлое глазами, коренным образом изменившегося, настоящего. На этом я ловил самого себя». Он считал, что по причине притупления памяти и других субъективных факторов даже рассказы старожилов представлялись мало достоверными. В периодической печати приводились факты, когда одно и то же событие разными современниками относилось к разным датам и освещалось противоречиво.

Периодическая печать прошлого, как правило, освещала деятельность отдельных лиц и организаций на фоне выполнения какого-либо конкретного задания и исходила из политических установок определенного исторического периода. В перечне лиц, упоминаемых газетами, отсутствовал целый ряд инженерных, партийных, комсомольских и других работников, плодотворная деятельность которых обеспечивала успех предприятия. Ограниченность в источниках привела писателей к указанным неудачам.

Ф. Я. Иванов считал необходимым создание летописи (хроники), которая на «основании добросовестно отысканных материалов (документов) объективно отражала бы все стороны развития грандиозного металлургического предприятия». Летопись предлагалось составлять по годам, чтобы дать возможно полное представление о всех сторонах развития жизни комбината за год. Помимо цифрового и текстового материала, по его мнению, желательным было приложить фотографии и, обязательно, иллюстрировать чертежами. В качестве примера он предлагал действовавший генеральный план, на котором разными цветами необходимо было нанести, выстроенные по годам объекты. Это могло бы наглядно продемонстрировать, каким был комбинат и город в тот или иной исторический период. Особенно ответственной частью работы Ф. Я. Иванов считал рассказ о людях, организовавших грандиозное промышленное предприятие. Необходимо было назвать их; дать краткие биографические справки о специалистах, «стоявших у руководства партийными, комсомольскими и профсоюзными организациями, промышленными и строительными объектами»; включить в число отличившихся лиц строителей и производственников.

Автор письма настаивал, что «необходимые по ходу составления летописи анализы, изложение точек зрения по спору, возникшему в прошлом, должны выполняться с максимальной объективностью: все должно обосновываться документами, в копии приложенными к летописи». Составление летописи требовало систематического и упорного труда группы квалифицированных (с широким кругозором) работников, знающих производство, строительство, общественную жизнь и т. п. Необходимо было создать вокруг этой работы соответствующее общественное обсуждение, что давало бы возможность группе своевременно получать не только необходимые материалы, но и сведения из ранее неизвестных источников. По мере окончания работы по отдельным разделам следовало организовать их обсуждение со старожилами и, в случае необходимости, вносить изменения и дополнения. В результате этой работы, писал Ф. Я. Иванов, «мы получим высококачественную летопись, представляющую собой огромный интерес для науки, техники, литературы и искусства».

Письмо Ф. Я. Иванова является ценным источником не только по истории Магнитогорского металлургического комбината и самого города Магнитогорска. В документе определены этапы и главные источники для подготовки летописи (хроники), обращается внимание и на работу с документами, и на методику работы с воспоминаниями современников (ср. проекты по подготовке летописей в образовательной практике новой России [6]).

Обратимся к следующей группе документов. В фонде академика Сергея Аркадьевича Векшинского (1896–1974), специалиста в области электровакуумной техники [1], найдена переписка этого ученого с преподавателем Магнитогорского педагогического института Зайтуной Шакировной Зина-

тулиной [3]. Сохранились письма с 30 января по 17 сентября 1955 г.⁸ В своем письме от 30 января 1955 г. З. Ш. Зинатулина обращалась с просьбой к академику дать отзыв на ее статью, посвященную физику М. И. Кустовскому, а также дополнить материал своими воспоминаниями о бывшем преподавателе физики в Керченской гимназии. Одновременно она просила рекомендовать ее статью к публикации в «Ученых записках» Магнитогорского педагогического института.

В своем ответе от 14 февраля 1955 г. С. А. Векшинский сделал несколько критических замечаний по присланной работе. По его мнению, текст статьи для публикации необходимо было сократить на треть и отказаться от мелочей, вряд ли заслуживающих упоминания. Ученого удивило отсутствие упоминания работы физика в Керченской гимназии, где тот не только продолжал преподавание физики с обязательным привлечением учащихся к лабораторным работам, но и ввел в практику своего преподавания такие полезные новшества, как поручение отдельным ученикам проведение уроков по новым, еще не пройденным разделам курса; составление и решение задач с обсуждением экспериментальной методики, при помощи которой результаты решения могли бы быть проверены на опыте; изложение основ теории ошибок в приложении к физическим измерениям и построению приборов; значительное расширение списка лабораторных работ, проводившихся учениками. Академик констатировал, что после перевода в Керчь М. И. Кустовский приложил немало труда для создания в местной гимназии физического кабинета, приспособленного для лабораторных занятий учеников. Это характеризовало его как «последовательного и настойчивого проводника в жизнь тех передовых идей в педагогике, убежденным сторонником которых он был». По мнению С. А. Векшинского, университетское образование М. И. Кустовского не дало ему никаких навыков по организации мастерских, изготовлению приборов и демонстрационной техники с привлечением учеников: «Было большой смелостью взяться за такие дела и в те годы, был нужен неимоверный труд человека, решившего самостоятельно научиться тому, чему его не учили и, на этой основе осуществить новое прогрессивное направление в преподавании физики».

В следующем письме от 21 февраля 1955 г. З. Ш. Зинатулина рассказала С. А. Векшинскому о своей работе над диссертацией, поездках в Москву, упомянула профессоров Н. И. Медянцева, А. В. Пырышкина, З. А. Цейтлина, Ю. С. Томашевича, А. К. Тимирязева, а также просила быть оппонентом ее работы. Письмо очень эмоциональное, содержит сведения личной жизни. В ответ на ее письмо академик писал 25 марта 1955 г., что не занимается педагогической деятельностью, исследованием вопросов педагогики и истории физики никогда не интересовался, и его авторитет для педагогов равен нулю. Выступление оппонентом ее диссертации, по его мнению, было бы воспринято научным педагогическим сообществом с удивлением и могло бы скорее навредить, нежели помочь соискательнице. В своих последующих письмах от 2 апреля и 17 сентября 1955 г. З. Ш. Зинатулина сообщала ученому о состоявшейся публикации своей статьи в «Ученых записках», защите диссертации, рассказала о событиях своей жизни и жизни города Магнитогорска.

Переписка З. Ш. Зинатулиной с С. А. Векшинским показывает интерес академика к работе молодой исследовательницы: он не только выбрал время для ознакомления с рукописью диссертации, но и высказал ряд предложений по ее содержанию. В письмах З. Ш. Зинатулиной содержится информация по истории педагогики, в частности, о преподавании физики; есть сведения о личной жизни, что позволяет частично реконструировать повседневную жизнь жительницы г. Магнитогорска и ее семьи.

Представленные документы, впервые вводимые в научный оборот, отражают различные стороны производственной, общественной, личной жизни жителей Магнитогорска. Они позволяют дополнить картины производственно-бытовой повседневности тех лет и являются ценным источником по истории города и металлургического комбината. Проанализированные источники могут быть использованы в культурно-просветительских и научно-исследовательских целях, в учебном процессе образовательных учреждений различного уровня, при написании статей и монографий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борисов В. П. Сергей Аркадьевич Векшинский : специалист в обл. электрон. и вакуум. техники, 1896–974 / отв. ред. В. М. Родионов; [АН СССР]. М. : Наука, 1988. 138 с
2. Заварицкий А. Н. Гора Магнитная и её месторождения железных руд. Вып. 1. Ч. 1 // Труды Геологического комитета. Нов. серия. 1922. 280 с.

⁸ АРАН. Ф. 2022. Оп. 1. Д. 106, 149.

3. Зинатулина З. Ш. Лабораторные работы по физике в средних учебных заведениях России в историческом освещении : дис. ... канд. пед. наук. Магнитогорск, 1955. 267 с.
4. Иванов Ф. Я. Магнитогорский комбинат-первенец социалистической индустриализации СССР / ред. и лит. обработка М. Заикина; О-во по распространению полит. и науч. знаний РСФСР. Челябинск : [б. и.], 1958. 27 с.
5. Машковцев В. И. История Магнитки. Магнитогорск, Магнитогорский дом печати, 198 с.
6. Патаракин Е. Д. От использования контента к совместному творчеству. Анализ сетевого проекта Летописи.ру // Вопросы образования. 2009. № 3. С. 114–129.
7. Чучалин А. И. Ректор Гутовский. Ученый, ставший организатором сибирской металлургии // Томский политехник. 2001. Вып. 7. С. 101–104

M. Yu. Kiselev (Moscow, Russia)

MAGNITOGORSK AND ACADEMIC SCIENCE: FROM ARCHIVES OF ARCHIVES OF THE RAS

Abstract. The article provides information about the documents stored in the Archives of the Russian Academy of Sciences: about the direction of graduate students of the Institute of Literature, Art and Language of the Communist Academy for the construction of the Magnitogorsk Metallurgical Combine and the organization of an institute post at the combine in 1931; on the conduct of the ten-day Communist Academy with the reading of reports at the Ural-Kuznetsk Combine, including in the city of Magnitogorsk in 1933; letter of engineer I.Y. Ivanov “On the issue of creating the history of the Magnitogorsk Metallurgical Combine and the city of Magnitogorsk. Considerations of the participant”, directed to academician Bardin I.P. July 7, 1958; correspondence of the teacher of the Magnitogorsk Pedagogical Institute Zinatulina Z. Sh. with academician Vekshinsky S.A. in 1955 about the response to her article on the physicist M. Kustovsky and the defense of the thesis "Laboratory work on physics in secondary schools in Russia in historical coverage." The information presented is a small touch to the history of Magnitogorsk and its inhabitants, can be used for educational and research purposes.

Keywords: history, Magnitogorsk, document, archive, Russian Academy of Sciences

REFERENCES

1. Borisov V. P. Sergei Arkad'evich Vekshinskii : spetsialist v obl. elektron. i vakuum. tekhniki, 1896-1974 / otv. red. V. M. Rodionov; [AN SSSR]. Moscow, Nauka, 1988, 138 p.
2. Zavaritskii A. N. Gora Magnitnaya i ee mestorozhdeniya zheleznykh rud, vol. 1. Ch. 1, Trudy Geologicheskogo komiteta, Nov. seriya, 1922, 280 p.
3. Zinatulina Z. Sh. Laboratornye raboty po fizike v srednikh uchebnykh zavedeniyakh Rossii v istoricheskom osveshchenii : dis. ... kand. ped. nauk, Magnitogorsk, 1955, 267 p.
4. Ivanov F. Ya. Magnitogorskii kombinat-pervenets sotsialisticheskoi industrializatsii SSSR / red. i lit. obrabotka M. Zaikina; O-vo po rasprostraneniyu polit. i nauch. znaniy RSFSR. Chelyab. otd-nie, Chelyabinsk, [s. n.], 1958, 27 p.
5. Mashkovtsev V. I. Istoriya Magnitki. Magnitogorsk, Magnitogorskii dom pečati, 198 p.
6. Pataraikin E. D. Ot ispol'zovaniya kontenta k sovmestnomu tvorchestvu. Analiz setevogo proekta Letopisi.ru, Voprosy obrazovaniya, 2009, no. 3, pp. 114–129.
7. Chuchalin A. I. Rektor Gutovskii. Uchenyi, stavshii organizatorom sibirskoi metallurgii, Tomskii politekhn. 2001, vol. 7, pp. 101–104.

Киселев М.Ю. Магнитогорск и академическая наука: из фондов Архива РАН // Гуманитарно-педагогические исследования. 2019. Т. 3. № 4. С. 29–33.

Kiselev M.Yu. Magnitogorsk and Academic Science: from Archives of Archives of the RAS, *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya* [Humanitarian and pedagogical Research], 2019, vol. 3, no. 4, pp. 29–33.

0,37 печ. л.

Дата поступления статьи – **18.03.2019**

Сведения об авторе

Киселев Михаил Юрьевич – кандидат исторических наук, Архив Российской академии наук, руководитель Центра учета и обеспечения сохранности документов, Москва, Россия; kiss_RAN@mail.ru

Author:

Michail Yu. Kiselev, Candidate of History, Head of the Center for Accounting and Securing Documents, Archives of the Russian Academy of Sciences (ARAN), Moscow, Russia; kiss_RAN@mail.ru.

УДК 82.09:821.161.1

С. А. Песина (Магнитогорск, Россия)
О. Л. Зимарева (Магнитогорск, Россия)
Т. Ю. Баклыкова (Магнитогорск, Россия)

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ СЛОВА В СВЕТЕ АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКОГО ПОДХОДА

Аннотация. Целью данного исследования является изучение внутренней организации семантики многозначных слов на предмет того, каким образом организовано ее признаковое пространство, а также в каком виде значения хранятся в ментальном лексиконе. Несмотря на большое количество исследований в данном направлении, ученые так и не пришли к единому мнению, оперирует ли человек в ходе смыслообразования списками значений или в основе семантической структуры многозначного слова лежит общее значение. Нерешенность проблемы полисемии обуславливает актуальность исследований в данной области. В работе представлены результаты психолингвистического эксперимента, в ходе которого испытуемые без подготовки приводили толкование многозначных слов русского языка, не обусловленных контекстом. Результаты исследования показали, что носитель языка не нуждается в хранении развернутых дефиниций для оперирования и хранения значений полисемантов. Последние хранятся либо в виде распространенных коллокаций, либо в виде набора семантических признаков. Показано, что порядок хранения значений в ментальном лексиконе не соответствует порядку, приведенному в толковых словарях, так как на порядок значений в ментальном лексиконе оказывают влияние частотность и ряд экстралингвистических факторов (интерес, окружающая среда и пр.). Часто на первое место носитель языка выдвигает значение, актуальное для него в данный момент времени. Результаты исследования подтверждают основные принципы разрабатываемой нами теории значения, состоящей в том, что значение является текучим, зыбким образованием, которое формируется в момент речи и подстраивается под конкретную языковую ситуацию.

Ключевые слова: семантическая структура слова, экспериментальное исследование, значение, ментальный лексикон, семантическая сеть, толкование.

Введение

Ментальный лексикон носителя языка рассматривается психолингвистами как сложное когнитивное образование, в котором отображены процессы освоения человеком окружающего мира и благодаря которому осуществляется речевая и мыслительная деятельность [1, с. 40; 4]. Изучение актуализаций языковых структур, закрепленных в сознании индивида предопределяет исследование базовых принципов их хранения в ментальном хранилище, что выводит нас на исследование общих принципов организации лексикона, включающих не только языковые, но и экстралингвистические знания. Данные вопросы, в свою очередь, предполагают изучение особенностей упорядочивания лексических единиц в ментальном лексиконе.

Большое количество работ, в которых представлены результаты исследования полисемантических структур, поднимают проблемы многозначности в контексте, поведения человека в момент декодирования значений в контексте (см. подробный обзор последних экспериментальных исследований полисемии [13; 11; 10]). Следует отметить, что результаты, получаемые в ходе экспериментов, зачастую противоречат друг другу. В одном случае, они подтверждают, что значения хранятся в списочном виде подобно словарной статье [11; 12]. Другие исследования свидетельствуют в пользу существования одного общего значения, которое лежит в основе всех значений полисеманта [см. обзор 12; 14]. Существование как минимум двух противоречащих теорий обуславливает актуальность данной работы и необходимость заново обратиться к анализу семантической структуры слова. По нашему мнению, необходимо начать исследование с общей картины, в частности, хранения слова вне контекста.

С целью ответа на вопросы о том, сколько значений носитель русского языка может вспомнить и воспроизвести одновременно без подготовки, соответствует ли порядок представления значений в толковом словаре порядку значений в индивидуальном ментальном лексиконе, в каком виде значения представлены в ментальном лексиконе был осуществлен лингвистический эксперимент.

1. Описание эксперимента

В эксперименте приняли участие 35 человек, являющиеся студентами 2–4 курсов, из них 28

женщин и 5 мужчин в возрасте от 18 до 22 лет.

Каждому участнику эксперимента был предложен список из 6 многозначных слов русского языка. Лексемы (*корень*, *ветка (ветвь)*, *цветок*, *лист*, *зерно*, *ствол*) входят в лексико-семантическую группу (ЛСГ) «Растения» и относятся к списку универсальных групп [2, с. 232–233]. В раннем исследовании [3, с. 61–152] на материале английского языка было установлено, что многие полисеманты данной ЛСГ носят антропоморфический характер, т. е. во многих значениях обнаруживается тесная связь человека и растений, которая нашла свое отражение в языке и в семантической структуре предложенных слов. Так, например, некоторые лексемы номинируют самого человека (*root* – «администратор в сети», *grass* – «стукач», *flower* – «прекрасная и невинная девушка», *plant* – «шпион, подсадная утка»), другие – части его тела (*trunk* – «туловище», *root of a hair / nail / tongue* – «корень волоса / ногтя / зуба»), третьи указывают на связь с важными периодами жизни человека (*flower of one's life*) и пр.

Задача данного исследования состояла в том, чтобы привести толкование русских многозначных слов ЛСГ «Растение», опираясь только на сформированное в ментальном лексиконе языковое представление о них. Толкование можно было приводить в виде связного предложения или набора признаков. В случае если участники могли назвать несколько значений, то записывали их в том порядке, каком считали нужным. Время на выполнение было ограничено 20 минутами.

2. Анализ результатов

После обработки результатов три анкеты из 35 были удалены из эксперимента, так как участники выполнили менее 50 % предложенного объема.

По итогам обработки первичных данных, были получены следующие результаты:

1. Ни один испытуемый не смог на вскидку привести полный перечень значений, зафиксированных толковыми словарями. Подавляющее большинство испытуемых ограничилось воспроизведением 1–2 значений. Как правило, толкование включает основное и наиболее близкое испытуемому значение, употребляемое им в данный период времени. Так, например, анализ полисеманта *лист* показал, что среди студентов-филологов доминирует значение «лист бумаги», в полисеманте *ветка* на первое место выходит значение «линия метро», в полисеманте *ствол* – «пистолет», в полисеманте *зерно* – «урожай / пища». Это указывает на определяющую роль языкового и социального окружения на формирование ментального лексикона. Просмотр большого количества фильмов детективного жанра вытесняет первое значение многозначного слова «ствол растения», которое в результате оказывается после значения «ствол пистолета / ружья». В ситуации с лексемой *ветка* мы также наблюдаем, как на первые позиции выходит значение «линия метро», в то время как значение «ветка дерева» перемещается на второе место.

2. Были приведены дефиниции, которые не упоминаются толковыми словарями русского языка. Мы находим их определение в специализированных справочниках, в то время как в английском языке данные значения внесены в словарную статью наравне с остальными: *зерно* – «микрочастицы в фотоэмульсии при обработке фото»; *зерно (зернь)* – «мелкие детали на украшениях»; «ствол» – «стволовые клетки». Некоторые толкования относятся к разряду окказиональных: *цветок* – «ласковое обращение».

3. При описании первого значения информанты приводили наибольшее количество признаков, которые отражают субъективный опыт взаимодействия с объектами, называемыми словами-стимулами. Так, *корень* оказывается *сырым, грязным*; *цветок* – *красивым, распустившимся*; *зерно* характеризовалось как *будущий побег, который может вырасти в нечто большее*; а *лист* – как *признак того, что дерево живо*. Таким образом, ментальный лексикон оказывается намного объемнее контента толковых словарей. Данные элементы формируют индивидуальное лексическое сознание, опирающееся на опыт взаимодействия с окружающим миром, в то время как информация, представленная в словаре, формирует своего рода скелет слова, закрепленный в языке.

4. Чем более абстрактным являлось значение, тем меньше признаков приводил носитель языка для толкования. Зачастую ответ был представлен в виде устойчивого словосочетания, толкование носило ассоциативный характер, например: *корень* – это *корень слова / корень проблемы / первоисточник, начало проблемы*; *зерно* – *зерно истины / то, с чего начинается / основная мысль / крупица*; *цветок* – *цветок жизни / дети*; *лист* – *бумага / начать жизнь с чистого листа*; *ствол* – *оружие / часть колонны*.

Данный факт говорит о том, что в ментальном лексиконе существует частотный пласт лексики, который первым всплывает в сознании носителя языка. Предположительно, данные слова-признаки могут быть связаны в многочисленные семантические сети. Именно благодаря «нарастанию» сети

происходит формирование так называемых кластерных структур [5; 6; 7; 8; 9]. Данные структуры включают многочисленные вариации признаков, которые активируются в момент речи. Они формируют более глубокий уровень понимания слов. Вместе с тем, осознание процесса поиска и обработки информации довольно энергозатратно, поэтому в процессе поиска искомым значениям происходит активация одного-двух наиболее частотных признаков, достаточных для опознавания объекта. Пока неясно, как происходит отбор коллокаций в той или иной ситуации (происходит ли наложение семантических пространств друг на друга или выборка происходит автоматически). Это предмет будущего исследования, однако сейчас уже можно сделать ряд наблюдений:

1. Порядок представления значений в словаре отличается от того, как испытуемые распределили значения в процессе опроса. Так, например, значение «оружие» в полисеманте *ствол* часто ставится информантами на первое место. В полисеманте *лист* значение «бумага» доминирует. Другими словами, порядок удержания значений в памяти формируется в индивидуальном порядке в зависимости от опыта и интересов человека.

2. Зачастую информантами приводились толкования, не раскрывающие содержание значения полисеманта. Приведенные толкования были обрывочными, неполными, общими, неясными или неверными. Данные толкования указывают на низкую степень осознанности индивидуумом того, что он пишет. Это может служить показателем степени развитости семантической сети информанта (см. таблица).

Таблица

Приведенные во время эксперимента толкования многозначных слов

СЛОВО	ТОЛКОВАНИЕ
<i>КОРЕНЬ</i>	<ul style="list-style-type: none"> – это математический символ – это морфема слова – это сердце растения – это корень слова – это основание слова – это ствол
<i>ВЕТКА</i>	<ul style="list-style-type: none"> – защита дерева – это рука дерева – это побег дерева – хрупкий предмет – разновидность – это ветка на кусте
<i>ЦВЕТОК</i>	<ul style="list-style-type: none"> – это часть природы – ласковое обращение – это растение
<i>ЛИСТ</i>	<ul style="list-style-type: none"> – это часть растения – украшение для дерева – лист дерева - список – описание легкого предмета – яркий с ворсинками
<i>СТВОЛ</i>	<ul style="list-style-type: none"> – это опора цветка – часть дерева – важная составляющая дерева

3. Встречаются абстрактные толкования, такие как «основа чего-либо» (*корень*), «что-то твердое и прочное» (*ствол*), «само рассуждение, способное окунуть в сомнения» (*зерно сомнения*), «разнообразные соединения» (*ветка*), иллюстрирующие актуализацию семантических компонентов уровня обобщения. Подобные признаки формируются как результат многочисленных актуализаций тех или иных значений полисеманта. Они формируют своего рода ядро семантической структуры и в нашем исследовании называются инвариантными. Употребление подобных толкований указывает на человека осмысленного, читающего.

Заключение

Ментальный лексикон является зыбким, текучим образованием, включающим намного более детальную информацию, чем представлено в толковых словарях. Признаки, входящие в семантическую структуру носителя языка, формируются на основе индивидуального опыта. Наиболее частотные семантические компоненты занимают доминирующие позиции и являются семантической осно-

вой слова, способной удерживать значения в рамках одного слова. Антропоцентрический принцип мышления помогает формировать устойчивые связи внутри семантической структуры слова и выстраивать индивидуальный порядок расположения значений, отличный от порядка, принятого в лексикографических словарях. Семантическая структура может быть сформирована в хаотичном порядке, что приводит к недостаточному осмыслению слова, фраз, предложений. Изучение принципов формирования и функционирования ментального лексикона способствует упорядочиванию семантических связей и выстраиванию более четкой картины мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белоусов К. И., Ерофеева Е. В., Лещенко Ю. Е. Полевой принцип организации ментального лексикона и сценарии активации полей // Вопросы психолингвистики. 2018. Ч. 35, № 1. С. 39–53
2. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М. : Русские словари, 1996. 416 с.
3. Зимарева О. Л. Исследование многозначного слова в свете инвариантной теории и антропоцентрического подхода (на примере лексико-семантической группы «Растение») : дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2017. URL: <http://www.bashedu.ru/dissovets?d=11>.
4. Кубрякова Е. С. В поисках сущности языка: когнитивные исследования. М. : Знак, 2012. 208 с.
5. Песина С. А., Латушкина О. Л. Лексический инвариант как содержательное ядро полисеманта // Вопросы когнитивной лингвистики. Тамбов : Изд-во ТГУ, 2014. Ч. 38, № 1. С. 105–108.
6. Песина С. А., Латушкина О. Л. Лексический инвариант как способ организации словарной статьи // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. Ч. 45, № 3. С. 308–310.
7. Песина С. А., Латушкина О. Л. Эмпирический анализ метафоры с позиции теории лексической инвариантности // Вестник Челябинского государственного университета. 2016. Ч. 386, № 4. С. 151–156.
8. Песина С. А., Зимарева О. Л. Семантический анализ и репрезентация значений в структуре многозначных слов // Вопросы когнитивной лингвистики. 2017. Ч. 50, № 1. С. 146–154.
9. Песина С. А., Зимарева О. Л., Вторушина Ю. Л. Использование кластерного подхода к описанию семантики слова для формирования лексической компетенции студентов бакалавров лингвистического направления // Перспективы науки и образования. 2019. Ч. 37, № 1. С. 445–454. doi: 10.32744/pse.2019.1.33
10. Falcum I. L., Vicente A. Polysemy: Current perspectives and approaches. *Lingua* 157. 2015. DOI: 10.1016/j.lingua.2015.02.002.
11. Foraker S., Murphy G. L. Polysemy in sentence comprehension: effects of meaning dominance. *J. Memory Lang.* 2012. P. 4, № 67. P. 407–425.
12. Frisson S. Semantic Underspecification in Language Processing. *Language and Linguistics Compass*. 2009. P. 1, № 3. URL: <http://doi.org/10.1111/j.1749-818X.2008.00104.x>
13. Klein D. E., Murphy G. L. The representation of polysemous words. *J. Memory Lang.* 2001. P. 2, № 45. P. 259–282.
14. Pustejovsky J. The Generative Lexicon. *Language*. 2002. P. 4, № 17. DOI: 10/2307/415891

S. A. Pesina (Magnitogorsk, Russia)
O. L. Zimareva (Magnitogorsk, Russia)
T. Yu. Baklykova (Magnitogorsk, Russia)

EXPERIMENTAL STUDY OF SEMANTIC STRUCTURE OF THE WORLD IN THE LIGHT OF ANTHROPOCENTRIC APPROACH

Abstract. The main purpose of this research is to study the internal organization of the polysemous word semantics on the subject of how the semantic space is organized and in what form the meanings are stored in the mental lexicon. Despite the large number of studies in this area, scientists have not come to a conclusion, whether people operate with the lists of meanings or whether the core meaning lies at the heart of a polysemous word semantic structure. The unsolved problem of polysemy determines the relevance of research in this area. The paper presents the results of a psycholinguistic experiment, when people under testing without any preparation gave interpretations of polysemous Russian words, not determined by any context. The results of the study showed that a native speaker does not need to store the detailed definitions for operating and storing the polysemantic meanings. The latter are stored either in the form of common collocations, or as a set of semantic components. It shows that the order of storage of meanings in mental lexicon does not correspond to the order given in explanatory dictionaries, since this factor is influenced by the frequency and a number of extralinguistic factors (interest, environment, etc.). Often a native speaker puts forward a meaning that is relevant to life at a given moment of time. The results of the study confirm the basic principles of the theory on the meaning that we are developing, which states - meaning is a fluid, unsteady construction that is being formed at the moment of speech and adapted to a specific language situation.

Keywords: semantic structure of a word, experimental research, meaning, mental lexicon, semantic network, interpretation.

REFERENCES

1. Belousov K. I., Erofeeva E. V., Leshchenko Yu. E. Polevoi printsip organizatsii mental'nogo leksikona i stsenerii aktivatsii polei, *Voprosy psikholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics], 2018, vol. 35, no. 1, pp. 39–53
2. Vezhbitskaya A. Yazyk. Kul'tura. Poznanie, Moscow, Pucskie slovni, 1996, 416 p.
3. Zimareva O. L. Issledovanie mnogoznachnogo slova v svete invariantnoi teorii i antropotsentricheskogo podkhoda (na primere leksiko-semanticheskoi gruppy «Rasteniye»): dis. ... kand. filol. nauk, Ufa, 2017, URL: <http://www.bashedu.ru/dissovets?d=11>.
4. Kubryakova E. S. V poiskakh sushchnosti yazyka: kognitivnye issledovaniya, Moscow, Znack, 2012, 208 p.
5. Pesina S. A., Latushkina O. L. Leksicheskii invariant kak sodержatel'noe yadro polisemanta, *Voprosy kognitivnoi lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], Tambov, Izd-vo TGU, 2014, vol. 38, no. 1, pp. 105–108.
6. Pesina S. A., Latushkina O. L. Leksicheskii invariant kak sposob organizatsii slovarnoi stat'i, *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies], 2014, vol. 45, no. 3, pp. 308–310.
7. Pesina S. A., Latushkina O. L. Empiricheskii analiz metafory s pozitsii teorii leksicheskoi invari-antnosti, *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2016, vol. 386, no. 4, pp. 151–156.
8. Pesina S. A., Zimareva O. L. Semanticheskii analiz i reprezentatsiya znachenii v strukture mnogoznachnykh slov, *Voprosy kognitivnoi lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], 2017, vol. 50, no. 1, pp. 146–154.
9. Pesina S. A., Zimareva O. L., Vtorushina Yu. L. Ispol'zovanie klasternogo podkhoda k opisaniyu se-mantiki slova dlya formirovaniya leksicheskoi kompetentsii studentov bakalavrov lingvisticheskogo napravleniya, *Perspektivy nauki i obrazovaniya* [Perspectives of Science and Education], 2019, vol. 37, no. 1, pp. 445–454. doi: 10.32744/pse.2019.1.33
10. Falcum I. L., Vicente A. Polysemy: Current perspectives and ap-proaches, *Lingua* 157, 2015, DOI: 10.1016/j.lingua.2015.02.002.
11. Foraker S., Murphy G. L. Polysemy in sentence comprehension: ef-fects of meaning dominance. *J. Memory Lang*, 2012, vol. 4, no. 67, pp. 407–425.
12. Frisson S. Semantic Underspecification in Language Processing. *Language and Linguistics Compass*. 2009. vol. 1, no. 3. URL: <http://doi.org/10.1111/j.1749-818X.2008.00104.x>
13. Klein D. E., Murphy G. L. The representation of polysemous words. *J. Memory Lang*, 2001, vol. 2, no. 45, pp. 259–282.
14. Pustejovsky J. The Generative Lexicon. *Language*, 2002, vol. 4, no. 17. DOI: 10/2307/415891

Песина С. А., Зимарева О. Л., Баклыкова Т. Ю. Экспериментальное исследование семантической структуры слова в свете антропоцентрического подхода // Гуманитарно-педагогические исследования. 2019. Т. 3. № 4. С. 34-38.

Pesina S. A., Zimareva O. L., Baklykova T. Yu. Experimental Study of Semantic Structure of the World in the Light of Anthropocentric Approach, *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya* [Humanitarian and pedagogical Research], 2019, vol. 3, no. 4, pp. 34–38.

0,36 печ. л.

Дата поступления статьи – **07.11.2019**

Сведения об авторах

Песина Светлана Андреевна – доктор филологических наук, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры лингвистики и перевода Института гуманитарного образования Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова, Магнитогорск, Россия; spesina@bk.ru

Зимарева Ольга Леонидовна - кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и перевода Института гуманитарного образования Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова, Магнитогорск, Россия; olgalatushkina87@mail.ru

Баклыкова Татьяна Юрьевна -кандидат педагогических наук, доцент кафедры лингвистики и перевода Института гуманитарного образования Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова, Магнитогорск, Россия; t680@mail.ru

Authors:

Svetlana A. Pesina - Doctor of Philology, Doctor of Philosophy, Professor, Professor, at the Linguistics and Translation Department, Institute for the Humanities, Nosov Magnitogorsk State Technical University (NMSTU), Magnitogorsk Russia; spesina@bk.ru.

Olga L. Zimareva - Candidate of Philology, Associate Professor at the Linguistics and Translation Department, Institute for the Humanities, Nosov Magnitogorsk State Technical University (NMSTU), Magnitogorsk Russia; olgalatushkina87@mail.ru

Tatyana Yu. Baklykova - Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor at the Linguistics and Translation Department, Institute for the Humanities, Nosov Magnitogorsk State Technical University (NMSTU), Magnitogorsk Russia; t680@mail.ru

КРАСОТА СЛОВА, ОБРАЗА, МИРА В СТИХОТВОРЕНИИ К. Д. БАЛЬМОНТА «РОСИНКА»

Аннотация. Осмысление отдельных произведений поэтов-символистов помогает восприятию их символистской поэтики в целом. Представленный в этом ключе филологический анализ стихотворения «Росинка» К. Д. Бальмонта позволяет более детально продемонстрировать работу поэта Серебряного века над словом, образом, стихом. Филологический анализ стихотворения представлен в виде построчного анализа с использованием работы над многозначностью слов, их символическим значением. Выбор данного произведения вызван практической потребностью: стихотворение изучается в начальной школе на уроках литературного чтения и вызывает у учителей начальных классов определенные трудности в связи с его философско-эстетическим содержанием. Представленный в статье анализ имеет целью раскрыть сущность филологического сопровождения урока литературного чтения, посвященного изучению символического стихотворения «Росинка» К. Д. Бальмонта.

Ключевые слова: К. Д. Бальмонт, символизм, символ, стихотворение «Росинка», идейно-художественный анализ, философско-эстетический смысл.

Константин Дмитриевич Бальмонт – выдающийся поэт Серебряного века, один из зачинателей нового символистского искусства в России. Он понимал символизм как мистическую поэзию, как проникновение в инобытие, как выражение скрытого иного. Поэзия Бальмонта проникнута намеками, музыкальностью, это поэзия импрессионизма, поэзия впечатлений. Его поэтический мир – это «мир тончайших мимолетных наблюдений, по-детски хрупких чувствований»¹.

Стихотворение «Росинка» входит в круг детского чтения, которое изучается на уроках литературного чтения в 3 классе по программе М. В. Голованова, В. Г. Горецкого «Родная речь» [2], представляет собой одно из воплощений бальмонтовского мировидения и мироощущения. Оно вошло в сборник «Былинки» (1905).²

Словарь С. И. Ожегова дает такое толкование слову *росинка* – «капелька росы» [3, с. 673]. А вот «роса – маленькие капли влаги, оседающие на растениях, почве при наступлении утренней или вечерней прохлады» [3, с. 673].

Работаем над лексическими ассоциациями. Опрос (15 человек) показал, что слово *росинка* чаще всего вызывает следующие словесные ассоциации: *дождь, трава, утро, вода, влага, лето, отдых, детство, новая жизнь, лучезарность, маленькая*.

Уточним эмоциональную оценку слова. Слово *росинка* вызывает у опрошенных ощущение свежести, чистоты, волшебства, светлости, жизненной энергии, восторга, радости, восхищения, чистоты, прохлады, свежести, красоты. Все эмоции и чувствования положительные.

Заметим, что К. Бальмонт использует в названии слово *росинка*, а не *роса*. Уменьшительно-ласкательный суффикс *-инк-* наполняет лексическое значение слова дополнительным оттенком: воображение читателя рисует образ маленького и нежного явления природы. Слово *роса*, от которого образовано слово *росинка*, – собирательное, для поэта же важна единичная, отдельно взятая частица природы.

В первой строке «*Росинка дрожала / На тонком листе. / Речонка дышала, / Шурша в тростнике*» появляется ожидаемый образ росинки. Глагол *дрожать* в словаре Ожегова означает «сотрясаться от частых и коротких колебательных движений, трястись, испытывать дрожь» [3, с. 177].

Сочетание *росинка дрожала* передает мотив дрожания – один из излюбленных мотивов в творчестве Бальмонта-импрессиониста, воспевającego мгновение. Этот мотив воссоздает в представлении читателя хрупкую картину дрожащей капли воды; читателя охватывает неуловимое чувство тонкости существования, хрупкости и мимолетности существования мира росинки. Бальмонт олицетворяет *росинку*, мы представляем трепещущую, незащищенную одухотворенную природную сущность.

Следующий образ – речонка. По словарю синонимов, «речонка – это уничижительное к слову *речка*» [1, с. 384]. Обратимся к лексическому значению слова *речка*. В словаре Ожегова закреплено следующее лексическое значение – это «маленькая река»; «*река* – это постоянный водный поток значительных размеров с естественным течением по руслу от истока до устья» [3, с. 664]. Поэт использует слово *речонка* с суффиксом *-инк-*, который в контексте стихотворения имеет не уничижи-

¹ Бальмонт К. Д. Собрание сочинений : в 2 т. М. : Терра, 1994. Т. 2. С. 4.

² Бальмонт К. Д. Указ. соч. С. 129.

тельное значение, отмеченное словарем, а диаметрально противоположное – уменьшительно-ласкательное.

В словаре символов «река – это мировой поток явлений, течение жизни» [5, с. 718]. Бальмонтская *речонка* – это водный поток, пусть небольшой, но тот, который вольется в мировой поток жизни. А *росинка* – часть мира, стихии Воды, символизирующей и Любовь, и Жизнь, и Время. Росинка мала, но ее существование значимо.

В первом четверостишии наблюдается смена картин: взор с частного единичного предмета переходит на более широкое явление, состоящее из множества подобных предметов. В первой строфе представляем, что одна *росинка* находится на одном тонком листе. Слово «тонкий» еще раз позволяет поэту нарисовать нежную и хрупкую картину природы. Далее наш взгляд уже охватывают речонку и тростник: речонка объединяет множество капель воды, тростник – множество листьев. Это еще одно из выражений бальмонтской мысли о значимости каждого явления, каждого мгновения в огромном мире.

Сюжет стихотворения разворачивается или ранним прохладным утром, в свете восходящего солнца; или ясным вечером, когда велико земное излучение. В такое время, по Бальмонту, часто приходит мистическое, сказочное, волшебное ощущение мира; человек прикасается к отражению истинной Красоты. У Бальмонта Красота – изящная и хрупкая. Вообще, полутона, полукраски, пограничное время суток – излюбленные мотивы творчества у символистов, и Бальмонта в частности.

Далее в строках: *В росинку гляжу я, / И вижу, что в ней / Играет, ликуя, / так много огней*, – обратим внимание, что автор смотрит не *на росинку*, а *в росинку*. В словаре Ожегова дается такое толкование слова *глядеть* – «то же, что и смотреть» [3, с. 132], а *смотреть* – «направлять взгляд, чтобы увидеть что-нибудь» [3, с. 723]. Поэт не просто смотрит на мир, он вглядывается в него, желает познать его своим мистическим чувством, своим внутренним художественным взором.

Словосочетание *в росинку гляжу* автор использует для того, чтобы показать не внешний облик, а внутренний мир, внутренние качества и характеристики росинки. «Глядеть во что-либо» – это глядеть внутрь, в суть явления, глядеть в те предметы, которые имеют глубину, объем, дно, внутреннее наполнение и содержание. Росинка становится словно глубокой, емкой, бездонной, потому что глядеть можно в глубокий колодезь; в окно, открывающее человеку широкую картину мира; в глаза, чтобы найти в них отклик на душевное переживание.

В стихотворении Бальмонта слово *играть* обозначает «проявляться, обнаруживать себя в особой живости, блеске, сверкании» [3, с. 233]. Синонимами к этому слову являются слова *сверкать, блестеть, блистать, сиять, гореть, переливаться, искриться*, а также *звездиться, поблескивать, светиться* [4, с. 479].

Росинка Бальмонта не просто «играет», она «играет, ликуя». Слово «ликовать» имеет такие синонимы: радоваться, «торжествовать» [4, с. 444]; обозначает высокую степень радости – радоваться восторженно [3, с. 316].

Если в первых строках росинка удалена от поэтического взора Бальмонта, воспринимается малой частью мира, то в следующих строках автор вглядывается в росинку, познавая ее, приближает к себе. Росинка укрупняется, становится большой – и лирический герой видит в ней множество огней. Росинка оживает, Бальмонт использует метафору, олицетворение: росинка у него *играет, ликуя*.

Внутри маленькой росинки происходят чудесные масштабные события: множество огней сверкает и переливается. Олицетворение помогает поэту воссоздать радостное ощущение мистических сказочных преобразений.

На фоне легкого дрожания, тихого шуршания реки в тростнике игра множества огней и ликование росинки позволяют воспринимать ее уже как полноценное, значимое, таинственное, живущее своим скрытым внутренним миром явление. Мотив ликования передает чудодейственную силу хрупкой сущности, открывает тайну бытия росинки.

И эта тайная жизнь росинки прекрасна. Красота, кроющаяся в почти невесомом, хрупком и, на первый взгляд, прозрачном явлении, предстает в виде завораживающего чуда – игры огней, тайну которой подвластно познать лишь по-особенному настроенному лирическому герою, чувственно познающему мир, проникающему в мистический, истинный мир вещей.

Далее строки – *Зеленый и синий, / И красный горят, / И белый, как иней, / И светлый, как взгляд*. – содержат, казалось бы, не присущие поэту-символисту яркие, насыщенные цвета из мира реального, вещного, отнюдь не мистического. Однако эти краски в понимании Бальмонта свойственны прозрачной, идеальной сущности – капельке воды.

Поэт отбирает яркие краски – зеленый, синий, красный..., и даже белый записан им в разноцветье огней. И здесь же в одном ряду символист размещает прилагательное, выбивающееся своей семантикой из тематической группы со значением цвета – это необычный цвет, который цветом назвать сложно – *светлый*. В творчестве поэта-символиста слово *светлый* отсылает читателя в мистический и по-настоящему истинный идеальный мир символов. Это мир, где есть место Истине, Красоте, Добру, Идеалу.

Прием олицетворения и символистское наполнение образа росинки позволяет читателю расширять семантику прилагательных со значением цвета. Символ многозначен, его можно длить и длить.

Краски в данном стихотворении можно рассматривать и в прямом, и в переносном, и в символическом значениях. Например, *зеленый*, по словарю Ожегова, в прямом значении – это «цвета травы, листвы, относящийся к растительности» [3, с. 226]; и в переносном значении – «неопытный по молодости, незрелый» [5, с. 226]. В символическом значении зеленый цвет объединяет все свойства цветов. Зеленый – это весна, воспроизведение, радость, уверенность, природа, рай, изобилие, преуспевание, мир. Зеленый, как цвет незрелости, символизирует неопытность, отсюда символизирует резвость, наивность [5, с. 940].

Синий в прямом значении – «имеющий окраску одного из основных цветов спектра – среднего между фиолетовым и зеленым» [5, с. 705]. Синий символизирует истину, интеллект, откровение, мудрость, лояльность, верность, постоянство, непорочность, чистые побуждения, безупречную репутацию, широту души, благоразумие, мир, созерцание. Это цвет больших глубин, женской стихии вод. Это также первоначальная простота и бесконечное пространство, которое, будучи пустым, может содержать все [5, с. 947].

Красный в прямом значении – «цвет крови, спелых ягод земляники, яркого цветка мака» [5, с. 297]. Красный – символ хорошего, яркого, светлого. А по словарю символов, «*красный* – олицетворяет дифференциацию, нечто явленное, разнообразие, утверждение света». Цвета, отражающие свет, например, красный, – активны, теплы, направлены на смотрящего [5, с. 944].

По словарю Ожегова, *белый* – это *светлый*, в противоположность чему-нибудь более темному, именуемому черным [5, с. 644].

Бальмонт белый цвет сравнивает с инеем, как тонкий слой ледяных кристаллов, образующийся благодаря испарениям на охлаждающейся поверхности. *Белый* – символизируют отрицательное и положительное, и все противоположности. Белое ассоциируется как с жизнью и любовью, так и со смертью и похоронами [5, с. 937].

По словарю Ожегова, «*светлый* – это ясный, прозрачный, радостный, ничем не омраченный, приятный» [3, с. 690]. Светлые и темные цвета, примененные в контрасте, символизируют материализацию света. Бог как свет есть источник цвета [5, с. 935].

Бальмонт не дает представления темного цвета. Здесь нет первобытной тьмы, пустоты, зла, печали и тяжести. Есть только свет и искренность. Образ росинки благодаря нанизыванию эпитетов со значением цвета воспринимается как радостное, прозрачное, искреннее, чистое, идеальное явление.

Бальмонт сравнивает светлый цвет, скрытый внутри росинки, со взглядом. По словарю Ожегова, «*взгляд* – это направленность зрения на кого- или что-нибудь, выражение глаз, мнение, суждение» [3, с. 77].

Прием художественного сравнения светлого цвета в росинке со взглядом не только олицетворяет росинку. Читатель рисует картину, словно какая-то мистическая светлая сила выглядывает из росинки и смотрит на наш мир с тем же удивлением и радостью, что и поэт, вглядывающийся в росинку.

Строки – *Все краски люблю я, / Пленительный вид, / Нежней поцелуя, / Росинка горит* – показывают чувство любви, красоты, трепет самого поэта перед красотой росинки. Игра красок становится частью мира, передает сущность росинки – она наполнена любовью, красотой, тонкостью, изяществом. Поэт покорен ее прелестью и очарованием.

Росинка вызывает в сердце поэта самые нежные, трепетные чувства, которые у людей ассоциируются с нежным поцелуем.

Слово *поцелуй* обозначает «прикосновение губами к кому- или чему-нибудь как выражение приветия, любви, ласки, уважения» [3, с. 562]. Символическое наполнение слова таково: «*поцелуй* – это знак доброго расположения, мир, скрепление договора печатью, доверие, товарищество, примирение, привязанность» [10, с. 690].

Слово *нежный* обозначает: «1) ласковый, исполненный любви; 2) приятный, тонкий, негрубый; 3) слабый и хрупкий» [3, с. 405]. В контексте стихотворения К. Бальмонта все три значения слова

реализуются, так как росинка – это не просто художественный образ, это образ-символ, который всегда является многозначным и многогранным.

Метафора *росинка горит* рисует картину сверкания и блеска росинки: словно, испытывая какое-то сильное чувство, она излучает яркий свет. Для символистов свет – это атрибут мира идей, космического творения, символизирует жизнь, истину, просветление, источник блага. Излучение света олицетворяет новую жизнь, даруемую идеалом [5, с. 764]. Росинка, таким образом, это не столько слабое и хрупкое явление, как может показаться на первый взгляд. Это явление наполнено энергией, силой, жаром.

Затем читаем строки: *Дан миг ей лишь краткий / Исчезнет потом. / Но лист ей, украдкой, / Здесь выстроил дом.* С помощью слов *краткий, миг* поэт снова возвращает читателя к образу тонкой и хрупкой росинки, отодвигает ее от взора. Росинка снова становится маленькой и беззащитной.

Олицетворение *лист выстроил дом* представляет росинку слабой и беззащитной. Она живет в одухотворенном мире природы, где даже для нее, такой маленькой, находится чудесное место – дом из листа.

Примечательно, что *лист выстроил дом* для росинки *украдкой*. Слово *украдкой* обозначает «скрытно, тайком от других» [5, с. 830]. Это слово отражает символистский смысл стихотворения: Красота имеет мистическую природу, она приобщена великой тайне мира символов. Отсюда стихотворение приобретает сказочно-мифологический, мистический характер. Для символистов дом символизировал центр мира, убежища Великой Матери, замкнутость и защиту [5, с. 206].

Для росинки лист является домом, скрытым от других. Красоту, по Бальмонту, нужно оберегать: истинная красота хрупкая, нежная, тонкая и таинственная; ее легко разрушить, если не быть приобщенным самому к тайному миру Красоты.

Композиционно данное четверостишие имеет две части: сначала лирический герой, как философ, с грустью размышляет о скоротечности существования росинки, а затем переходит к утешительным словам, которые помогают вернуться к одухотворенному образу прекрасной росинки.

О скоротечности, но одновременно и наполненности жизни росинки читателю указывает слово *миг* – это мгновение, короткий промежуток времени, недлительный, сжатый [3, с. 373]. Лирический герой желает успеть насладиться этим удивительным, прекрасным моментом, увидеть всю прелесть бытия росинки. Для росинки же миг – это целая жизнь, и за это время она успевает многое – наполняет мир Красотой.

В строках *Их еле заметишь, / Так малы они, / Но где же ты встретишь / Такие огни?* автор продолжает создавать ощущение тонкости и хрупкости мира Красоты. Слово *заметишь* означает «увидеть, обнаружить, отметив в уме, запомнить, обратить внимание на кого-что-нибудь» [3, с. 208]. Словосочетание *еле заметишь* показывает, что истинная Красота неприметна, и только подготовленный поэтический взгляд может обнаружить ее.

Малый размер огней дает ощущение нежности красок.

Риторический вопрос *Но где же ты встретишь / Такие огни?* обозначает восхищение поэта перед прелестью росинки. Лирический герой знает, что росинка – явление уникальное, единственное в своей прелесть и неповторимое.

В нежной и хрупкой росинке лирический герой разглядел внутреннюю силу. Слово *огни* – это «внутреннее горение, страсть» [3, с. 431]. Огонь символизирует очищение, дающую жизнь производящую силу Солнца, обновление жизни, силу, мощь, энергию, защиту и оборону. Огонь и пламя олицетворяют истину и знание, поглощающие ложь, невежество, иллюзии и смерть и выжигающие нечистоту [3, с. 585]. Вот, оказывается, какая сильная, страстная энергия скрыта в истинной Красоте.

В стихотворении К. Бальмонта соединяются две стихии – Огонь и Вода. В творчестве поэта-символиста они являются «двумя великими принципами вселенной – активный Огонь и пассивная Вода; они – Отец Небо и Мать Земля. Противоположные начала Огонь и Вода необходимы для всякой жизни»³. И в стихотворении «Росинка» стихия Воды в виде капли росы и стихия Огня оживают и рождают удивительное явление природы – росинку – воплощение истинной Гармонии и Красоты.

В 3-м классе данное стихотворение изучается в сокращенном варианте: из текста изъяты строки: *Зеленый, синий, / И красный, горят, / И белый, как иней, / И светлый как взгляд. / Все краски люблю я, / Пленительный вид, / Нежней поцелуя, / Росинка горит. / Дан миг ей лишь краткий, / Исчезнет потом. / Но лист ей, украдкой, / Здесь выстроил дом.* Эти строки, на наш взгляд, придают стихотворению особый смысл, они дают понять, насколько важным может быть малое. Образ *росинки* в сти-

³ Бальмонт К. Д. Указ.соч. С. 16.

хотворении Бальмонта приобретает индивидуальный авторский символистический смысл: росинка значима, несмотря на свою малую величину; она играет свою роль в преображении мира. Поэтому слово *росинка* приобретает еще одно, противоположное закрепленному в словаре, значение: *росинка* – это не просто маленькая капля воды, она ось мира; маленькая капля принимает на себя символическую нагрузку Древа Жизни. Это великое явление, ее образ отражает мысль Бальмонта о тождестве противоположных начал: «Малое в Великом» и «Великое в Малом». Росинка, по Бальмонту, – воплощение стихии Воды, Гармонии, Любви и в целом – Красоты, которая мала, хрупка, мимолетна, нежна, еле уловима, но вместе с тем сильна, страстна, наполнена жизненной энергией.

Для создания символистской зарисовки в этом стихотворении Бальмонт использует традиционные для его творчества приемы звукописи – аллитерацию и ассонанс, которые придают стиху особую музыкальность. Дрожание *росинки* и *дыхание речонки* мы слышим в первой строфе, благодаря повторяющимся гласным звуком *А* (*дрожАла, дышАла, шуриА, краткий, укрАдкой*). Это создает впечатление хрупкости.

Аллитерация, многократное повторение звуков *Ж* и *Ш*, создает впечатление спокойствия, умиротворения (*дрожАла, дыШала, ШурШа, заметиШь, вступиШь*).

Возвращаясь к названию, мы видим, что наши ожидания подтвердились: ассоциативные и лексические значения совпадают. Однако образ росинки Бальмонта более глубок, наполнен индивидуально авторским философско-эстетическим смыслом в русле символистской поэтики. Росинка у поэта одновременно явление обыденное и мистическое, малое и великое, хрупко-мимолетное и устойчиво-постоянное, прозрачное и разноцветное... Этот ряд противоположных впечатлений, антиномий-атрибутов можно длить и длить, а объединяет их истинная Красота мира, воплощенная в образе росинки и осознанная поэтом-символистом эстетически, художественно, философски.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка: ок. 11000 синоним. рядов : практический справочник. 6-е изд., перераб. и доп. М. : Рус. яз., 1989. 495 с.
2. Климанова, Горещкий, Виноградская: Литературное чтение. 3 класс. Учебник. В 2-х частях. ФП. ФГОС. М.: Просвещение. Серия «Школа России, 2019. 160 с.
3. Ожегов С. И. Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М. : Азбуковник, 1999. 928 с.
4. Словарь синонимов русского языка: около 9000 синонимических рядов / под ред. Л. А. Чешко. - Изд. 4-е. М. : Рус. яз., 1975 600 с.
5. Тресиддер Д. Словарь символов / Д. Тресиддер; пер. с англ. С.Палько. М: ФАИР-ПРЕСС, 2001. 444 с.

N. V. Kozhushkova (Magnitogorsk, Russia)

BEAUTY OF WORD, IMAGE, WORLD IN A POEM «A DEWDROP» BY K.D. BALMONT

Abstract. Considering the essence on some particular works of the symbolists helps to understand the symbolic poetry in its whole unity. In this respect the philological analysis of the poem "A Dewdrop" by K. D. Balmont, presented in this article, allows to demonstrate the work of a Silver Age poet on the word, the verse and the image in a greater detail. The philological analysis of the poem is presented in the line to line analysis using the polysemy of words and their symbolic meaning. The choice of this poetic piece of work is done out of some practical need: the poem is studied at primary school at literary reading lessons and to primary teachers it causes certain difficulties due to its philosophical-aesthetic contents. The analysis presented in the article aims to reveal the meaning of philological assistance at a literary reading lesson, devoted to the study of a symbolic poem "A Dewdrop" by K. D. Balmont.

Keywords. K. D. Balmont, symbolism, a symbol, a poem "A Dewdrop," ideological-artistic analysis, philosophical-aesthetic sense.

REFERENCES

1. Aleksandrova Z. E. Slovar' sinonimov russkogo yazyka: ok. 11000 sinonim. ryadov : prakticheskii spravochnik. 6-e izd., pererab. i dop. M. : Rus. yaz., 1989. 495 s.
2. Klimanova, Goretskii, Vinogradskaya: Literaturnoe chtenie. 3 klass. Uchebnik. V 2-kh chastyakh. FP. FGOS. M.: Prosveshchenie. Seriya «Shkola Rossii, 2019. 160 s.
3. Ozhegov S. I. Shvedova N. Yu. Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenii. 4-e izd., dop. M. : Azbukovnik, 1999. 928 s.

4. Slovar' sinonimov russkogo yazyka: okolo 9000 sinonimicheskikh ryadov / pod red. L. A. Cheshko. - Izd. 4-e. M. : Rus. yaz., 1975 600 s.

5. Tresidder D. Slovar' simvolov / per. s angl. S.Pal'ko. M. : FAIR-PRESS, 2001. 444 s.

Кожушкова Н. В. Красота слова, образа, мира в стихотворении К. Д. Бальмонта «Росинка» // Гуманитарно-педагогические исследования. 2019. Т. 3. № 4. С. 39–44.

Kozhushkova N. V. Beauty of Word, Image, World in a Poem «A Dewdrop» by K. D. Balmont, *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya* [Humanitarian and pedagogical Research], 2019, vol. 3, no 4, pp. 39–44.

0,51 печ. л.

Дата поступления статьи – **04.11.2019**

Сведения об авторе

Кожушкова Наталья Валерьевна – доцент, кандидат филологических наук, доцент педагогического образования и документоведения Института гуманитарного образования Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова, Магнитогорск, Россия; nvkozh74@gmail.com

Author:

Natalja V. Kozhushkova, Ph.D. in Philology, Associate Professor, Department of Pedagogical Education and Document Management, Institute of Humanitarian Education, Nosov Magnitogorsk State Technical University (NMSTU), Magnitogorsk, Russia; nvkozh74@gmail.com

ПАМЯТКА АВТОРАМ

Журнал «Гуманитарно-педагогические исследования» публикует:

- статьи *ученых*, а также рецензии на опубликованные научные издания последних 2-х лет;
- статьи *аспирантов, магистрантов* при условии предоставления рецензии кандидата или доктора наук соответствующей научной специальности либо в соавторстве с научным руководителем;
- *сообщения* к юбилеям ученых, научных школ или научно-практических изданий.

Принимаются статьи по результатам научных исследований в **области педагогики и образования**, также по **общественным и филологическим наукам**.

Материалы, поступившие в редакцию, проходят проверку в системе «Антиплагиат.ВУЗ» и подлежат обязательному двойному слепому рецензированию. Редакция имеет право отклонить рукопись или предложить автору ее доработать в соответствии с требованиями.

К рассмотрению принимаются материалы, соответствующие *следующим критериям*:

- статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы;
- уровень оригинальности материалов должен быть не менее 70 %;
- максимальное количество авторов – не более 3-х, за исключением статей по результатам экспериментальных исследований;
- представляемые в редакцию материалы не должны быть ранее опубликованы в других изданиях или в данный момент находиться на рассмотрении в других журналах;
- представленные статьи, рецензии, сообщения должны соответствовать принятым правилам оформления (см. Требования к оформлению).

Публикация статей бесплатная.

ГРАФИК ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ В 2019 г.

Выпуск № 1 – до 15 января 2019 г.,

Выпуск № 2 – до 15 марта 2019 г.,

Выпуск № 3 – до 15 мая 2019 г.,

Выпуск № 4 – до 15 сентября 2019 г.

ТРЕБОВАНИЯ

к материалам, направляемым в журнал
«Гуманитарно-педагогические исследования»

Порядок представления материалов

Материалы представляются в электронном виде на адрес электронной почты <igo@magtu.ru> **в одном письме** с темой «**В журнал “Гуманитарно-педагогические исследования”**» в нескольких файлах:

1. Текст статьи (рецензии/сообщения) с аннотацией и ключевыми словами, сведения об авторах на русском языке.
2. Информация на английском языке (аннотация, ключевые слова, транслитерация библиографического списка, сведения об авторах).
3. Скан-копия заверенного бланка согласия (см. Бланк согласия),
4. *Скан-копия рецензии для аспирантов и магистрантов, заверенная печатью (в документе отражается актуальность раскрываемой проблемы, оценивается научный уровень и дается рекомендация об опубликовании статьи в журнале).

Файлы должны быть поименованы по фамилии автора (например, *Иванов1, Иванов2, Иванов3, *Иванов4*).

Требования к оформлению

1. Текст статьи (файл 1) предоставляется в электронном виде и создается в текстовом редакторе Microsoft Word с расширением **docx**.

Расположение и структура текста внутри статьи:

УДК – в левом верхнем углу 1-ой страницы статьи указывается номер по Универсальной десятичной классификации

И.О. Фамилия автора (Город, Страна) – в правом верхнем, полужирным курсивом указываются инициалы и фамилия автора, затем обычным курсивом город и страна (на русском языке).

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ – по центру заглавными буквами, полужирным (на русском языке). Название статьи должно полноценно отражать предмет и тему статьи, а также основную цель (вопрос), поставленную автором для раскрытия темы.

Название статьи не должно превышать 13 слов (=100 знаков). Не следует употреблять в названии аббревиатуры (кроме общеизвестных), а также допускать скопления знаков препинания (: () /), а также оборотов (*на примере...*). Не рекомендуется начинать формулировку названия со слов: «*О...*»; «*К ВОПРОСУ/ОБСУЖДЕНИЮ...*»; «*ИСПОЛЬЗОВАНИЕ...*».

Аннотация – объемом **200-250 слов** на русском языке, отделяется от текста статьи пропуском строки. Рекомендуется отражать: предмет исследования, цель работы, метод или методологию проведения исследования, основные результаты работы и область применения результатов исследования *актуальность, методы, результаты, новизну и значимость исследования*. Не следует повторять название статьи.

Ключевые слова – на русском языке 5–8 слов (терминов), способствующих индексированию статьи в поисковых системах.

Текст набирается шрифтами Times New Roman, размер шрифта – 14 кеглей, межстрочный интервал – полуторный, все поля – 2 см, абзацный отступ – 1 см.; ориентация – книжная, перенос автоматический (без заголовков). Между словами текста делается один пробел (два и более не допускается). При использовании дополнительных шрифтов при наборе статьи такие шрифты должны быть представлены в редакцию в авторской электронной папке.

Текст рекомендуется структурировать

Введение – постановка рассматриваемого вопроса, актуальность, краткий обзор научной литературы по теме, четкая постановка цели работы.

Основная часть статьи должна быть разбита на пронумерованные разделы, имеющие содержательные названия. Возможны подразделы. Она должна содержать описание **материала** и **методов** исследования, описание проведенного анализа и полученные результаты.

Заключение – основные выводы исследования.

Языковые примеры выделяются в тексте курсивом, примеры из художественных текстов должны иметь ссылки на источники в подстрочных постраничных ссылках (не в список литературы). Допускается цитирование любых первоисточников, однако в список ссылок НЕ следует включать ссылки на такие материалы, как: неопубликованные работы; государственные документы (постановления правительства, законы и т.д.), исторические документы, газетные статьи, словари, художественные произведения.

Дефис должен отличаться от *тире*, например: *историко-культурное* и *конец XIX – начало XX вв.* Тире должно быть одного начертания по всему тексту, с пробелами слева и справа, за исключением оформления числовых периодов и дат: с. 39–41, 1920–1935, Т. 1–3.

Рисунки, таблицы и графики должны иметь названия, а в случае если их в статье несколько, то нумерацию. Таблицы размещаются непосредственно в тексте статьи, нумеруются по порядку. Следует придерживаться принципа единообразия: все таблицы должны иметь тематические заголовки либо все без исключения не иметь названий. Вся информация в графах набирается кеглем 12 основного шрифта.

Кавычки должны быть одного начертания по всему тексту. Внешние кавычки – «елочки» («»), внутренние – «лапки» (“ ”).

При наборе римских цифр используется латинская клавиатура: VIII, XV, II, III. *Не допускается:* У111, ХУ, П, III.

При наборе *не допускается использование стилей, не задаются колонки.*

Не допускается *применение автоматических списков (перечней).*

Ссылки и литература. Библиографические ссылки на русском языке, оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.05-2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

Для ссылок на научную литературу используются **затекстовые** ссылки, а на цитируемые литературные произведения, газеты, полевой материал и архивные документы, нормативные акты **подстрочных сносок** со сквозной нумерацией по тексту статьи.

Подстрочная сноска (первичная) представляет собой полную ссылку на источник.

¹Тарасова В. И. Политическая история Латинской Америки. М. : Проспект, 2006. С. 305-412.

Подстрочная сноска (повторная) при последовательном расположении первичной и повторной ссылок:

¹Тарасова В. И. Политическая история Латинской Америки. М. : Проспект, 2006. С. 305-412.

²Там же. С. 306.

Подстрочная повторная сноска среди прочих ссылок:

¹²Языков Н. М. Указ. соч. С. 631.

¹³ГАРФ. Ф. 1234. Оп. 1. Д. 345. Л. 56.

¹⁴Тарасова В. И. Указ. соч. С. 387.

¹⁵Там же. С. 388...

³² О жилищных правах научных работников [Электронный ресурс]: постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 20 авг. 1933 г. (с изм. и доп., внесенными постановлениями ВЦИК, СНК РСФСР от 1 ноябр. 1934 г., от 24 июня 1938 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³³Лэтчфорд Е. У. С Белой армией в Сибири [Электронный ресурс] // Восточный фронт армии адмирала А. В. Колчака: [сайт]. [2004]. URL: <http://east-front.narod.ru/memo/latchford.htm> (дата обращения: 23.08.2007).

Число авторов. В библиографическом описании каждого источника должны быть представлены **ВСЕ АВТОРЫ**. В случае, если у публикации более 6 авторов, то после 6-го автора необходимо поставить сокращение "..., и др." или "..., et al."

Гурьянова И. В., Испулова С. Н., Клещева Е. А., Кузьменко Н. И., Слепухина Г. В., Халикова Д. А. Комплексное сопровождение субъектов инклюзивного образовательного пространства : монография с международным участием / отв. ред. Н. И. Кузьменко. Новосибирск : Изд. АНС «СибАК», 2017. 132 с.

Затекстовые библиографические ссылки на пристатейный список должны быть оформлены в строке текста в квадратных скобках цифрового порядкового номера и через запятую номеров соответствующих страниц для опубликованных печатных изданий - [1, т. 2, с. 25].

В тексте:

[10, с. 81] или [10, с. 106]

В затекстовой ссылке:

10. Бердяев, Н. А. Смысл истории. М.: Мысль, 1990. 175 с.

Если текст цитируется не по первоисточнику, то в начале отсылки приводят слова «Цит. по:», например, [Цит. по: 13, с. 16].

Затекстовые ссылки располагаются в разделе **ЛИТЕРАТУРА** с 1-м отступом от текста. Порядок расположения источников в списке – алфавитный. Автоматическая нумерация не применяется. Источники на иностранных языках подаются в оригинале и не подвергаются затем транслитерации в разделе **REFERENCES**.

Общий объем статьи (с аннотацией, ключевыми словами, библиографическим списком, на русском и английском языках) от 10 000 до 40 000 знаков с пробелами (не должен превышать 1 авторский лист.) (См. Образцы оформления статьи на русском и английском языках).

Сведения об авторе на русском и английском языках. Оформляются в конце статьи в таблице.

Таблица

Фамилия / Surname	
Имя, отчество / Name, middle name	
Ученая степень /Academic degree	
Ученое звание/ rank	
Организация (с указанием страны и города) / The organization (with the indication of the country and city)	
Должность и подразделение / Position	
Почтовый адрес и телефон места работы / Postal address	

Keywords: *Word, word, word, word, word.*

REFERENCES

1. Antonova A. V., Klimenko I. M. Professional'nyi standart pedagoga: novye trebovaniya i kvalifikatsionnye kharakteristiki sovremennogo uchitelya, *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii* [Pedagogical Education in Russia], 2014, no. 6, pp. 81-86.

...

6. Parinov S. I., Ljapunov V. M., Puzyrev R. L. Sistema Socionet kak platforma dlja razrabotki nauchnyh informacionnyh resursov i onlajnovykh servisov, *Jelektron. b-ki*. 2003, vol. 6, no 1. URL: <http://www.elbib.ru/index.phtml?page=elbib/rus/journal/2003/part1/PLP/>

...

11. Frege P. On Concept and Object . In : P. Geach, M. Black. *Translations from Philosophical Writings of Gottlob Frege*. Oxford, 1952, pp. 56–78

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СВЕДЕНИЙ О АВТОРЕ

Иванов Иван Иванович - доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры социологии, документоведения и архивоведения Института гуманитарного образования ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова», Магнитогорск, Россия; IvanovII@mail.ru

НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Author:

Ivan I. Ivanov, Associate Professor, Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Sociology, Document Science and Archive Science, Institute of Humanitarian Education, Nosov Magnitogorsk State Technical University (NMSTU), Magnitogorsk, Russia; IvanovII@mail.ru.

ГОДОВОЙ УКАЗАТЕЛЬ ОПУБЛИКОВАННЫХ МАТЕРИАЛОВ 2019 г.

<u>I. ОБРАЗОВАНИЕ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ</u>				
Общие вопросы педагогики		Год	№	Стр.
Р. Ю. Новоселов ИСТОРИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ВИДЕОКОНТЕНТА		2019	3	12-17
Педагогическое образование		Год	№	Стр.
А. И. Ерёмкина РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В БАШКИРСКОЙ АССР В 1917–1941 ГОДЫ		2019	2	12
Профессиональное образование		Год	№	Стр.
Е. Д. Трегубова ПРОЕКТНО-ОРИЕНТИРОВАННАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СРЕДА КАК ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ УСЛОВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ ГОТОВНОСТИ ПЕДАГОГА СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ К ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ		2019	4	6-13
Л. В. Оринина, С. А. Одинаева ВОЗМОЖНОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТНОГО ПОДХОДА В ИНЖЕНЕРНОМ ОБРАЗОВАНИИ РОССИИ И ТАДЖИКИСТАНА		2019	4	14-20
Методика обучения и воспитания		Год	№	Стр.
М. А. Климов МОДЕЛЬ РАЗВИТИЯ ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ ПОДРОСТКОВ С ДЕВИАНТНЫМ ПОВЕДЕНИЕМ СРЕДСТВАМИ ИГРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ		2019	1	12-23
Е. А. Морозов, И. В. Морозова ПРОЕКТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НА УРОКЕ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА КАК ТЕХНОЛОГИЯ ИНТЕРАКТИВНОГО ОБУЧЕНИЯ. К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ		2019	2	19-25
Теория и методика дошкольного образования		Год	№	Стр.
Т. Л. Горностай, Н. А. Степанова ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПОДДЕРЖКА РАЗВИТИЯ СУБЪЕКТНОЙ ПОЗИЦИИ РЕБЕНКА ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА		2019	1	7-11
О. В. Пустовойтова ОСВОЕНИЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА ДЕТЬМИ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА ПОСРЕДСТВОМ ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ		2019	1	18-23
Г. Н. Казаручик УМСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА В ПРОЦЕССЕ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ПРАКТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ		2019	2	6-11
Инклюзивное образование		Год	№	Стр.
М. Л. Кривуть РОЛЬ ВОЛОНТЕРСКОГО МАРАФОНА В ФОРМИРОВАНИИ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ПЕДАГОГОВ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ		2019	3	6-11
<u>II. ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ</u>				
История России		Год	№	Стр.
В. А. Бигеев, В. В. Филатов, А. С. Харченко НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ПОДГОТОВКИ «МЕТАЛЛУРГИЯ ЧЕРНЫХ МЕТАЛЛОВ» В МГТУ им. Г.И. НОСОВА: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ		2019	1	24-33
М. Н. Потемкина, В. В. Филатов ВЫСШЕЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В г. МАГНИТОГОРСКЕ (1932–2019 годы)		2019	1	34-43
Н. Н. Макарова СТУДЕНЧЕСТВО МАГНИТОГОРСКИХ ГОДОВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ		2019	1	44-49
А. Е. Любецкий ПОИСКОВЫЙ ОТРЯД МГТУ им. Г.И. НОСОВА «ФЕНИКС»: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ		2019	1	50-54
Ш. А. Хаитов, А. Б. Юлдашев ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА И ИСТОРИЯ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ УЗБЕКОВ В ТАДЖИКИСТАН		2019	2	26-29
Антропология и этнология		2019	№	Стр.
В. В. Медведев, М. В. Попов КУЛЬТУРА – ТРАДИЦИОННАЯ, ЭТНИЧЕСКАЯ, СОВРЕМЕННАЯ: QUID EST NOS?		2019	2	30-35
Источниковедение и историография		Год	№	Стр.
М. Ю. Киселев АРХИВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И АРХИВЫ: ВЗГЛЯД ИСТОРИКА-АРХИВИСТА 1950-х годов		2019	1	55-60
М.Ю. Киселев МАГНИТОГОРСК И АКАДЕМИЧЕСКАЯ НАУКА: ИЗ ФОНДОВ АРХИВА РАН		2019	4	29-33
А. А. Пасс РУССКОЯЗЫЧНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В СССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ		2019	3	26-45
А. Г. Дорожкин «ОТСТУПНИКИ» НА СТРАНИЦАХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ: ЮГОСЛАВИЯ КОНЦА 1940-х – НАЧАЛА 1950-х ГГ. И КНР 1970-х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 1980-х гг. В		2019	4	21-28

ГODOVOЙ УКАЗАТЕЛЬ

ОТРАЖЕНИИ СОВЕТСКОЙ БЕЛЛЕТРИСТИКИ			
Социальная психология	Год	№	Стр.
Е. В. Декина, В. С. Егоров ИЗУЧЕНИЕ ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ЗАМЕЩАЮЩЕЙ СЕМЬЕ	2019	3	18-25

III. ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Языкознание	Год	№	Стр.
С. А. Песина, И. Р. Пулеха, П. Тандон ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ УСТОЙЧИВЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ КАТЕГОРИИ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	2019	1	66-70
Е. В. Грудева, И. В. Эпанасев ГИПЕРТЕКСТ И ЕГО ВОСПРИЯТИЕ (НА МАТЕРИАЛЕ АЛЬБОМНОГО ИЗДАНИЯ «ЛИХИЕ ДЕВЯНОСТЫЕ»)	2019	1	71-78
И. А. Наумова ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ ИЗ СФЕРЫ-ИСТОЧНИКА «РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА КОНЦА XIX–XX ВВ.» В РОССИЙСКИХ СМИ	2019	2	42-50
Л. Н. Мишина ОСОБЕННОСТИ ОБОЗНАЧЕНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ ЧЕЛОВЕКА В «ЖИТИИ СВЯТОЙ КСЕНИИ ПЕТЕРБУРГСКОЙ»	2019	3	58-64
С.А. Песина, О.Л. Зимарева, Т.Ю. Баклыкова ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ СЛОВА В СВЕТЕ АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКОГО ПОДХОДА	2019	4	34-38
Литературоведение	Год	№	Стр.
Е. В. Калимуллина КАТЕГОРИЯ ПАМЯТИ И МИФОЛОГИЗАЦИЯ ПРОШЛОГО В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ А.М. РЕМИЗОВА (НА МАТЕРИАЛЕ КНИГИ «ИВЕРЕНЬ»)	2019	1	61-65
О. Ю. Колесникова, М. Л. Скворцова ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ГЕРОЙ ПЕРЕД ЛИЦОМ СМЕРТИ (ПОСЛЕДНИЙ МОНОЛОГ КАТОНА В ТРАГЕДИЯХ Д. АДДИСОНА И И. К. ГОТШЕДА)	2019	2	36-41
М. Л. Бедрикова О МОЛОДЕЖНЫХ ЛИТОБЪЕДИНЕНИЯХ МАГНИТОГОРСКА 1930–2010-х гг.: «ГОРОД И СЕМЬЯ В МИНИАТЮРЕ»	2019	3	46-57
Н. В. Кожушкова КРАСОТА СЛОВА, ОБРАЗА, МИРА В СТИХОТВОРЕНИИ К. Д. БАЛЬМОНТА «РОСИНКА»	2019	4	39-44

IV. КОБСУЖДЕНИЮ

Филология	Год	№	Стр.
П. Тандон, С. А. Песина, И. Р. Пулеха ОСОБЕННОСТИ ОСМЫСЛЕНИЯ ТЕМАТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА	2019	1	79-84
Гуманитарные и технические науки	Год	№	Стр.
С. Л. Андреева ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ТЕХНОГЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ: ОПЫТ МГТУ ИМ. Г.И. НОСОВА	2019		85-98

V. НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Конференции	Год	№	Стр.
Т. Ф. Орехова «МОЛОДЕЖЬ: СВОБОДА И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ»: О РЕЗУЛЬТАТАХ VI ПЕТРОВСКИХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ЧТЕНИЙ В ГОРОДЕ МАГНИТОГОРСКЕ	2019	2	51-53
С. Г. Шулежкова МАПРЯЛ ЖИВ И БУДЕТ ЖИТЬ! (XIV КОНГРЕСС ПРОШЕЛ В НУР-СУЛТАНЕ)	2019	3	65-72
Деятельность диссертационных советов			
Н. Я. Сайгушев, С. Л. Андреева ВОЗВРАЩЕНИЕ ДИССЕРТАЦИОННОГО СОВЕТА ПО ПЕДАГОГИКЕ В МАГНИТОГОРСК: ПРИЗНАНИЕ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ	2019	1	99-110
Юбилей			
С. А. Анохина «СПАСИБО, ЧТО КОНЦА УРОКАМ НЕТ!» (О НАУЧНОЙ ШКОЛЕ ДОКТОРА ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРА СВЕТЛАНЫ ГРИГОРЬЕВНЫ ШУЛЕЖКОВОЙ)	2019	1	110-120